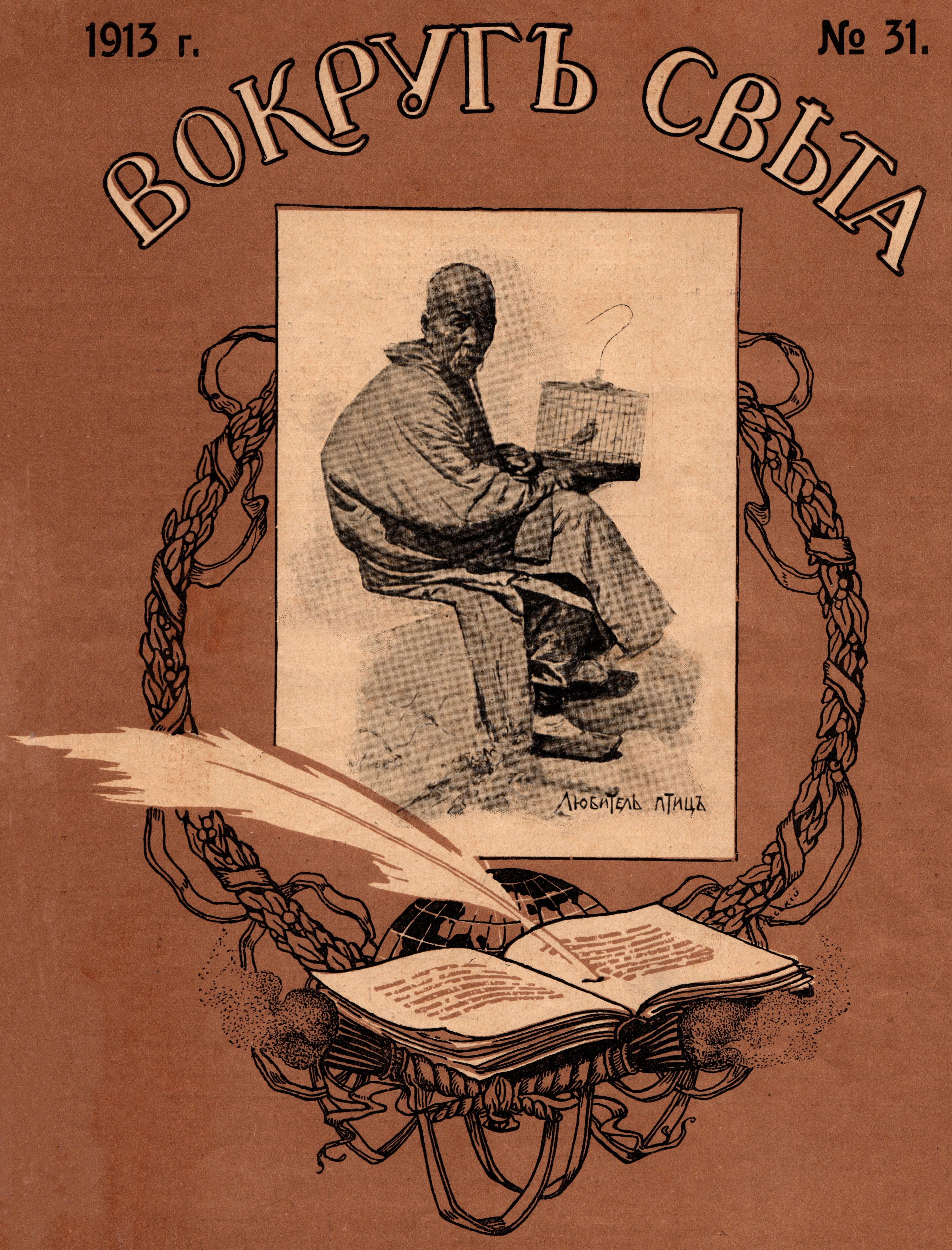
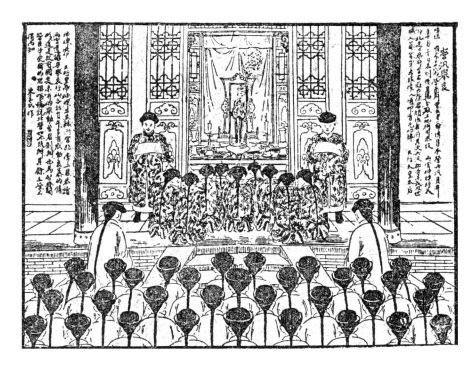
1913 г. № 31.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

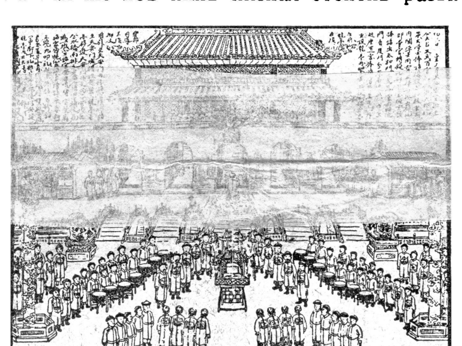

1. Священная церемонія передъ таблицами предковъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КИТАЙСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Благодаря „Пекинской газетѣ“, китайскую прессу можно считать самой старѣйшей изъ всѣхъ; однако она далеко не самая совершенная. Младшие опередили старшую, особенно во всемъ, что касается иллюстрированныхъ журналовъ.

Иллюстрированные журналы появились въ Китаѣ только въ самые послѣдніе годы и находятся тамъ еще въ зачаточномъ состояніи, какъ относительно матеріала, который они даютъ публикѣ, такъ и относительно исполненія. На это есть нѣсколько причинъ, главная же изъ нихъ низкая степень разви-

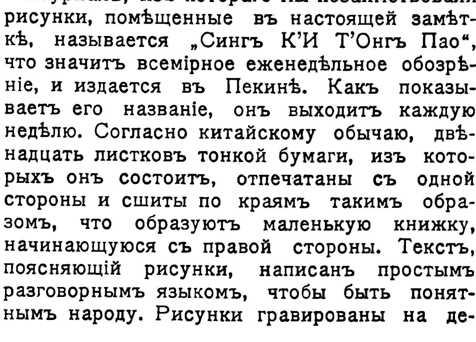

2. Объявленіе о вступленіи на престолъ новаго императора.

тія промышленнаго производства въ этой странѣ; недостатокъ денежныхъ средствъ, проистекающій изъ необходимости уступать экземпляры журнала по смѣхотворно низкой цѣнѣ, чтобы ихъ покупали; трудность и медленность средствъ сообщенія въ имперіи, которыя не даютъ возможности періодическому изданію распространяться на дальнее разстояніе. Если къ этимъ различнымъ причинамъ прибавимъ, что китаецъ мало интересуется не только тѣмъ, что дѣлается за границей, но даже тѣмъ, что не касается его провинціи или окружающей его среды, то намъ станетъ понятно, что иллюстрированные листки принуждены въ настоящее время носить чисто мѣстный характеръ и предлагать своимъ читателямъ изображеніе такихъ происшествій, которыя на

3. Казнь.

нашъ взглядъ почти не заслуживаютъ вниманія.

Журналъ, изъ котораго мы позаимствовали рисунки, помѣщенные въ настоящей замѣткѣ, называется „Сингъ К'И Т'Онгъ Пао“, что значитъ всемірное еженедѣльное обозрѣніе, и издается въ Пекинѣ. Какъ показываетъ его названіе, онъ выходитъ каждую недѣлю. Согласно китайскому обычаю, двѣнадцать листковъ тонкой бумаги, изъ которыхъ онъ состоитъ, отпечатаны съ одной стороны и сшиты по краямъ такимъ образомъ, что образуютъ маленькую книжку, начинающуюся съ правой стороны. Текстъ, поясняющій рисунки, написанъ простымъ разговорнымъ языкомъ, чтобы быть понятнымъ народу. Рисунки гравированы на де-

4. Арестъ нарушившаго священный обрядъ.

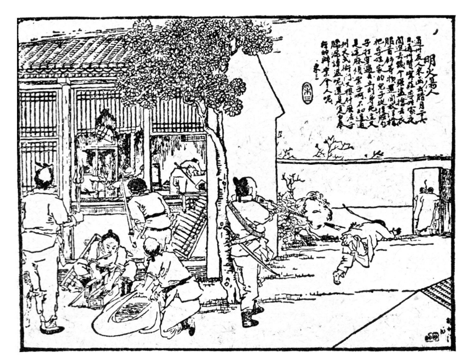

5. Арестъ вора.

ревѣ самымъ простымъ способомъ. Искусство рисовальщика находится еще въ младенческомъ возрастѣ: перспективы нѣтъ, позы лишены всякой естественности, однако въ цѣломъ рисунокъ съ большей точностью изображаетъ китайскую жизнь, послужившую для него сюжетомъ и въ качествѣ такого жизненнаго документа представляетъ для насъ нѣкоторый интересъ.

Матеріалъ свой журналъ черпаетъ изъ уличныхъ происшествій и сценокъ домашней жизни, типичными примѣрами которыхъ служатъ прилагаемые здѣсь рисунки.

На I изъ этихъ рисунковъ изображена священная церемонія, исполняемая войсками передъ дощечкой, на которой вырѣзаны титулы умершаго императора. Сюже-

6. Нападеніе грабителей.

томъ рисунка II служитъ извѣщеніе о восшествіи на престолъ новаго государя. Сцена происходитъ у главныхъ воротъ дворца въ присутствіи высшихъ должностныхъ лицъ столицы, одѣтыхъ въ свои парадные костюмы.

Въ то время какъ европейскіе журналы ратуютъ за уничтоженіе смертной казни, ихъ китайскій собратъ предлагаетъ своимъ читателямъ рисунокъ (3), гдѣ изображены приготовленія къ отправленію правосудія въ Китаѣ. рисунокъ, не нуждающійся въ комментаріяхъ.

На рисункѣ 4 изображенъ арестъ человѣка, который нарушилъ священный обрядъ, отправившись бриться раньше истеченія ста дней послѣ смерти императора,

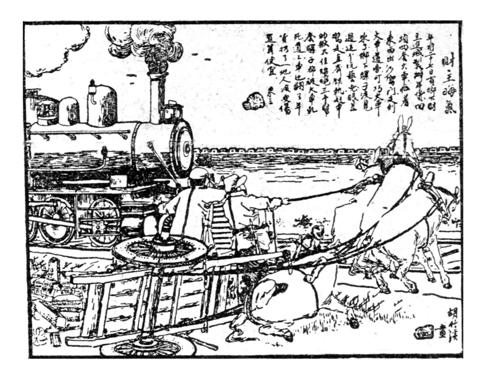

7. Пожаръ въ Пекинѣ.

а на слѣдующемъ рисункѣ (5) арестъ вора; этотъ рисунокъ, гдѣ съ арестованнымъ обращаются такъ жестоко, даетъ прекрасное понятіе о нравахъ туземной полиціи.

Однако не во всѣхъ явленіяхъ китайской и европейской жизни можно найти рѣзкую разницу. Изъ журнала „Сингъ К'И Т'Онгъ Пао“ мы узнаемъ, если только не знали этого раньше, что окрестности Пекина, подобно окрестностямъ европейскихъ центровъ, подвергаются нападеніямъ грабителей, которые работаютъ тамъ съ оружіемъ въ рукахъ, и журналъ считаетъ, очевидно, это происшествіе самымъ обыкновеннымъ (рис. 6).

Нельзя изобразить болѣе натурально картину пожара въ Пекинѣ, чѣмъ это сдѣлано

8. Желѣзнодорожная катастрофа.

на рис. 7. Межъ тѣмъ какъ крыши рушатся, объятыя дымомъ и пламенемъ, зрители только ахаютъ да размахиваютъ руками. Полиція ограничивается совѣтами, воздерживаясь отъ всякаго другого вмѣшательства. Для борьбы съ распространяющимся пламенемъ не находится никакихъ средствъ, кромѣ чашки и ведра воды.

Случаи, подобные тому, который изображенъ на рис. 8, принадлежатъ къ излюбленнымъ сюжетамъ китайскихъ рисовальщиковъ, стоящихъ, однако, нѣсколько выше обычнаго уровня. Нѣтъ ни одного номера, въ которомъ не содержалось бы рисунка, поддерживающаго кампанію противъ употребленія опіума. Примѣромъ такого рисунка слу-

9. Жертва опіума.

XXIX г. изданія. 18 августа 1913 г.

№ 31 № 31

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, науки, литературы и искусства.

Контора и редакція журнала: Москва, Тверская, д. Т-ва И. Д. Сытина, № 48. ▭ Тлф. 98-57.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовыя марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

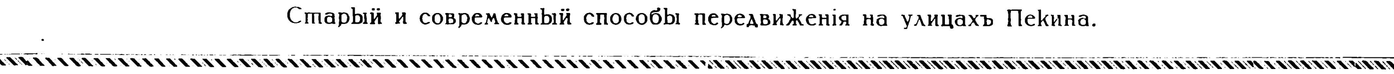
ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала, а также въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. ▰▰ За перемѣну адреса уплачивается **три** 7-ми-коп. почтовыя марки. ▰▰ Цѣна отдѣльнаго № журнала **10** коп., съ книгой — **40** коп. (съ пересылкой).

о о ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ: о о

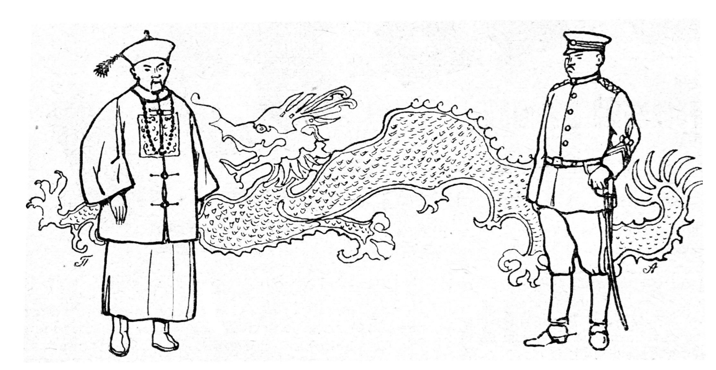
съ 24 кн. собранія художественн. соч. **Л. Н. Толстого**, съ пересылкой и доставкой **7 р.** **Допускается разсрочка:** 3 р. при подп., 2 р. къ 1 апр. и 2 р. къ 1 іюля.

съ 48 книг. полнаго собранія сочиненій **Л. Н. Толстого**, съ пересылкой и доставкой **11 р.** **Допуск. разсрочка:** при подпискѣ 4 р., къ 1 апр. 4 р. и къ 1 іюля 3 р.

Замѣна перваго изд. вторымъ и наоборотъ послѣ подп. не допускается.

Старый и современный способы передвиженія на улицахъ Пекина.

Джантай Ли.

Разсказъ изъ эпохи китайской смуты.

Старый джантай [1]), озабоченный и сумрачный, возвращался отъ дзянь-дзюня [2]). Все, что онъ тамъ сегодня видѣлъ и слышалъ, наполнило его сердце смутной тревогой. Опасаясь безпорядковъ, изъ Пекина телеграфировали распустить войска. Дзянь-дзюнь, вѣрный наказу, потребовалъ сегодня къ себѣ джантая, начальника старыхъ войскъ, а также молодого генерала Вана, начальника новой дивизіи, и прочиталъ имъ телеграмму.

Никогда не забудетъ джантай того взгляда, который бросилъ вслѣдъ за этимъ на дзянь-дзюня Ванъ. Не доброе онъ замышляетъ. И не даромъ такъ не любитъ джантай этого молодого выскочку, ученика японцевъ.

Да и самъ дзянь-дзюнь Чжи боится Вана, смутно чуя въ немъ сторонника революціи.

Правда, въ Синьзянѣ пока все совершенно спокойно. Но... кто знаетъ.

Вѣсти, одна тревожнѣе другой, идутъ каждый день. Долго ли до бѣды? Вотъ и здѣсь—только брось уголь, и вспыхнетъ пожаръ, а тогда ужъ не запьешь. Только кому суждено его бросить? И опять передъ глазами джантая отчетливо встала загадочная фигура Вана.

— Эхъ, время не то! Лѣтъ бы двадцать назадъ случись такая исторія, послали бы ему красный шнурокъ, по обычаю устроили бы пышныя похороны, и конецъ всѣмъ опасеніямъ. А теперь?..

Пошли-ка ему шнурокъ... Чего добраго—самъ повиснешь на веревкѣ! Изъ Китая помощи не жди—тамъ самимъ каждый солдатъ нуженъ. Ну, а свои?.. Что съ ними сдѣлаешь?—Джантай съ грустью взглянулъ на свой конвой.

Человѣкъ пятнадцать конныхъ солдатъ окружали его фудутунку [3]), запряженную рослымъ бѣлымъ муломъ. Одѣтые въ красныя курмы, они были вооружены кривыми ножами, насаженными на длинныя палки. Ихъ маленькія лохматыя лошадки мелкой иноходью рысили за фудутункой.

...Да и много ли ихъ наберется?.. тысячи три, четыре—не больше. Да и то наполовину старики, наполовину дѣти. Джантаю вспомнились новыя войска Вана. Одѣтыя въ черныя куртки, съ короткими ружьями въ рукахъ, они стройно и согласно, по командамъ своихъ офицеровъ, исполняли ученье. Цѣлую зиму Ванъ и его офицеры учили солдатъ стрѣлять. Потомъ привезли въ крѣпость разобранныя по частямъ пушки, собрали ихъ, и Ванъ съ офицерами и частью солдатъ до разсвѣта уѣзжалъ съ этими пушками куда-то въ горы. Далеко, должно-быть, уѣзжали. Почти не слышно было и выстрѣловъ. А потомъ какъ-то пригласилъ его и дзянь-дзюня посмотрѣть ихъ стрѣльбу. Далеко - далеко, чуть видно, поставили большія черныя доски, установили пушки и начали стрѣлять. Такъ и ахнули они, когда послѣ стрѣльбы принесли эти мишени, сплошь пробитыя снарядами. А вѣдь далеко-то какъ—еле видно!.. И опять невольно вспомнилъ джантай свою старую мѣдную пушку, изъ которой иногда стрѣляли чугуннымъ ядромъ. Да... трудно будетъ бороться, если захочетъ Ванъ поднять въ Синьзянѣ возстаніе.

Фудутунка остановилась передъ дворцомъ — большимъ темнымъ зданіемъ съ хитро вырѣзанной и разрисованной крышей. Слуги въ красныхъ курмахъ [4]), съ красными повязками на головахъ почтительно помогли джантаю выйти, и онъ, тяжело переваливаясь, сопровождаемый черными думами, направился къ своимъ покоямъ.

Въ этотъ же день, на другомъ концѣ крѣпости, недалеко отъ казармъ новыхъ войскъ, въ большой тускло освѣщенной комнатѣ, генералъ Ванъ со своими офицерами рѣшалъ судьбу Синьзянской провинціи. Высокаго роста, съ неподвижнымъ, суровымъ лицомъ, онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды своихъ собесѣдниковъ.

— Изъ Пекина требуютъ распустить войска,—началъ онъ рѣзкимъ голосомъ,—и дзянь-дзюнь приказываетъ сдѣлать это немедленно. Я этого, конечно, никогда не сдѣлаю. Солдаты наши готовы поднять возстаніе и ждутъ только сигнала. Я думаю, что удобный моментъ наступилъ. Манчжурскіе ставленники правятъ въ Синьзянѣ послѣдніе моменты. Утромъ я доложу дзянь-дзюню, что войска готовы для роспуска, а вечеромъ... орудія разобьютъ его ямынь [5])

Ванъ замолчалъ, молчали и присутствующіе.

— Надѣюсь, каждый успѣлъ уже хорошо разучить свою роль,—снова началъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Сейчасъ вы предупредите солдатъ, а завтра, въ это время... орудійные выстрѣлы покажутъ начало дѣйствія. Идите...

Офицеры молча поклонились, а черезъ минуту маленькіе иноходцы несли ихъ во весь духъ по направленію къ казармамъ.

Роковой вечеръ наступилъ. Гулко прозвучалъ сигнальный выстрѣлъ, обозначающій моментъ закрытія крѣпостныхъ воротъ. Улицы мало-по-малу опустѣли. Исчезли послѣдніе прохожіе, торопливо съ фонариками въ рукахъ спѣшившіе къ своимъ жилищамъ, и городъ заснулъ. Не спали только въ казармахъ. Совершенно одѣтые, стояли солдаты, готовые по первому знаку броситься въ крѣпость. Маленькія горныя орудія стояли посреди двора.

Около 11 часовъ отрядъ тихо выступилъ изъ казармъ, тихо прошелъ по улицамъ спавшей крѣпости и съ трехъ сторонъ обложилъ ямынь дзянь-дзюня. Ванъ самъ распредѣлилъ солдатъ, самъ поставилъ пушки. Рѣшительный конецъ приближался.

— Ба-бахъ,—гулко грянулъ первый орудійный выстрѣлъ, за нимъ второй... третій... Въ щепки разлетѣлись тяжелыя рѣзныя ворота. Затрещали ружейные выстрѣлы. Ямынь загорѣлся. Конвой старыхъ войскъ съ прямыми, короткими саблями загородилъ входъ нападающимъ. Загорѣлся рукопашный бой, короткій, неравный. Одинъ за однимъ, поражаемые мѣткими пулями, падали защитники дзянь-дзюня. Солдаты ворвались во дворецъ, а черезъ минуту окровавленный трупъ стараго дзянь-дзюня Чжи уже валялся на площади пылавшаго ямыня.

Все было кончено. Революціонная волна покатилась по всему Синьзяну, и потоки крови залили мирные доселѣ импани [6]).

Страшная ночь еще болѣе состарила джантая. Онъ сразу понялъ, куда стрѣляли орудія, сразу понялъ, какая опасность грозитъ дзянь-дзюню. Но что было дѣлать? Собрать солдатъ, вѣрныхъ старому знамени, и итти на выручку было далеко не легко: половина солдатъ разбѣжалась, а тѣ, которые остались, побросали оружіе, и напоминали скорѣе стадо барановъ. Онъ приказалъ плотно запереть ворота, разставилъ вооруженную стражу и сталъ ждать. Но прошелъ часъ... другой, а нападающихъ не

---

1) Генералъ старыхъ войскъ.
2) Генералъ-губернаторъ.
3) Двухколесный экипажъ.
4) Верхняя одежда, родъ сарафана.
5) Ямынь—дворецъ.
6) Крѣпостца. Каждый населенный пунктъ въ Синьзянѣ имѣетъ въ срединѣ импанъ съ толстыми глинобитными стѣнками.

было. И только утромъ, когда солнце озарило печальную картину разрушенія, появился первый вѣстникъ изъ вражьяго стана. Это былъ молодой полковникъ Фынъ—правая рука Вана.

Его сопровождалъ конный конвой.

Приказавъ доложить о себѣ, онъ смѣло вошелъ во внутренній дворъ, оставивъ на улицѣ весь свой конвой.

— Ванъ-дзунъ-джанъ [1])—обратился онъ къ джантаю,—приказываетъ тебѣ сдать мнѣ оружіе и порохъ, находящіеся у тебя въ арсеналѣ, а тебѣ завтра, къ вечеру, явиться къ нему подписать бумаги и исполнить формальности передачи. Что велишь ему сказать на это?

Ниже опустилась сѣдая голова джантая, судорожнѣе сжала рука ручку кресла, порывисто забилось старое сердце. Морщинистое лицо поблѣднѣло еще больше.

— Передай Вану,—началъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—что я слагаю свою власть, а завтра въ это время кончу всѣ расчеты и сдамъ тебѣ арсеналъ. Это все.

Приложивъ руку къ козырьку, выслушалъ это Фынъ, а черезъ секунду онъ уже садился на лошадь и, свернувъ въ ближайшій проулокъ, быстро исчезъ изъ глазъ.

Прошелъ уже цѣлый часъ, какъ уѣхалъ Фынъ, а джантай все еще неподвижно сидѣлъ въ своемъ креслѣ, думая одну и ту же черную думу.

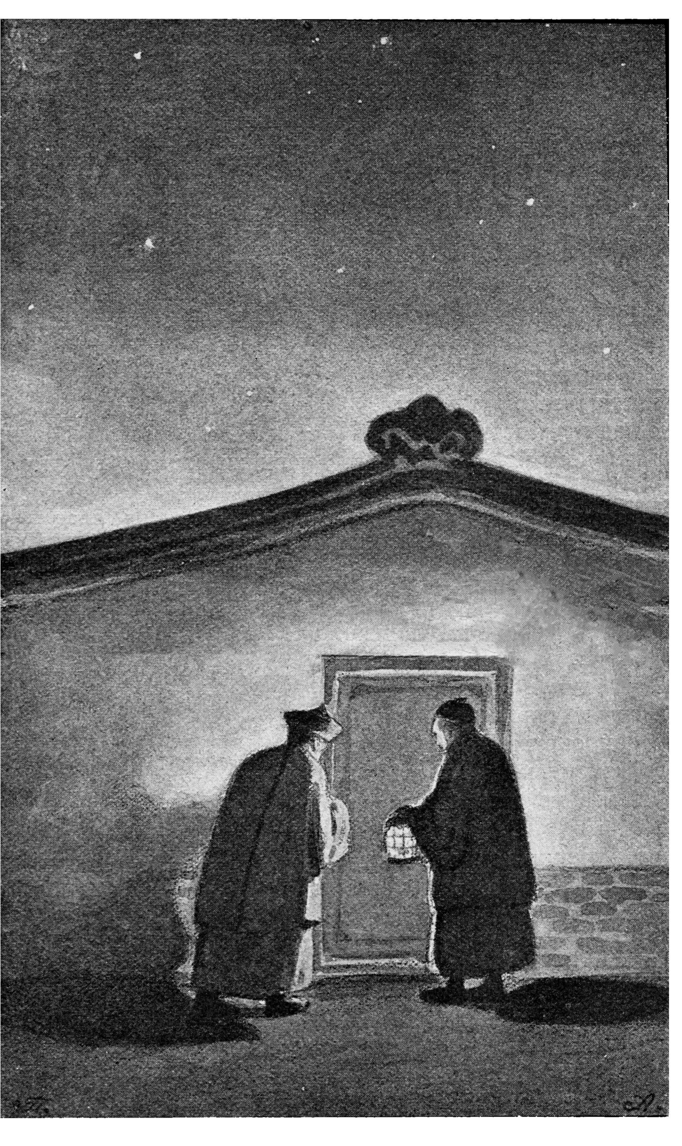
Завтра надлежало, позабывъ данную богдыхану клятву, итти на поклонъ новому владыкѣ, завтра придется выносить униженія, встрѣтить насмѣшки...

Нѣтъ, не пойдетъ онъ, старый Ли, къ этому молодому измѣннику, не сдастъ ему арсенала, данн го ему покойнымъ дзянь-дзюнемъ. Не боится смерти Ли, да и на что ему жизнь, когда кругомъ все гибнетъ въ междоусобномъ пожарѣ? Погибнетъ и онъ, но Ванъ долго будетъ помнить его смерть...

Наступилъ снова вечеръ. Улицы давно уже были пусты и безлюдны, и только двѣ, закутанныя въ черныя курмы фигуры, безшумно ступая подошвами своихъ мягкихъ туфель, неслышно скользили по направленію къ восточнымъ воротамъ крѣпости. Подойдя къ арсеналу, мрачному темному зданію, одинъ изъ нихъ быстро приготовленнымъ заранѣе ключомъ открылъ наружныя двери. Фигуры вошли во внутренній дворъ и направились къ стоящему посреди двора маленькому, врытому на три четверти въ землю зданію. Это былъ пороховой погребъ. Нѣсколько сотъ пудовъ пороха, десятки тысячъ патроновъ хранились въ немъ. Весь запасъ новаго оружія, кромѣ незначительной части, розданной на руки, находился по-сосѣдству въ арсеналѣ. Ни то ни другое зданіе не охранялось. Конвой старыхъ войскъ разбѣжался при первыхъ выстрѣлахъ, а новаго еще не поставили. Снова звякнулъ ключъ, снова скрипнули ржавыя петли, дверь погреба широко растворилась и фигуры вошли во внутрь.

Зажженный фонарь освѣтилъ погребъ и таинственныхъ посѣтителей: это были джантай и его старый слуга, калмыкъ Аля. Вынувъ изъ ящика нѣсколько коробокъ съ порохомъ, калмыкъ ловко маленькимъ топорикомъ вскрылъ цинковыя крышки.

Потомъ оба они принялись за работу, и часа черезъ два весь запасъ новыхъ винтовокъ былъ перенесенъ изъ арсенала въ погребъ. Окончивъ эту работу, калмыкъ снова откупорилъ нѣсколько коробокъ и вскрылъ ихъ крышки. Потомъ поставилъ эти коробки на пороховые ящики и двѣ изъ нихъ соединилъ черной, пропитанной пороховой мякотью ниткой.

Зажженный фонарь освѣтилъ пороховой погребъ.

Все было готово для страшнаго взрыва. Завтра долженъ былъ джантай сдать этотъ погребъ и арсеналъ молодому Фыну, а сегодня тайно, съ вѣрнымъ слугой, явился онъ подготовить свою сдачу.

Только смерть могла спасти его отъ позора и униженія, и джантай твердо рѣшился умереть, но умереть такъ, чтобъ долго помнилъ Ванъ его смерть.

— Аля, — обратился онъ къ калмыку, — ты исполнилъ свое дѣло... Я еще разъ говорю тебѣ, подумай на что ты рѣшился. Пока не поздно, бѣги.

Калмыкъ отрицательно покачалъ головой.

Окончивъ работу, онъ неподвижно стоялъ устремивъ глаза въ одну точку.

— Подумай, Аля,—продолжалъ джантай,—ты еще можешь спасти свою голову. Бѣги. Ты не хочешь?

— Я не пойду, — коротко отвѣтилъ калмыкъ.

— Тогда оставайся. Ты былъ мнѣ вѣрнымъ слугою всю жизнь, ты не оставилъ меня и въ послѣднія минуты... Помолимся каждый своему Богу.— Голосъ джантая дрогнулъ...

Сухія губы джантая зашептали слова молитвы.

Распростершись ницъ, молился калмыкъ.

Вдругъ джантай порывисто выпрямился.

Вынутой изъ фонаря свѣчей онъ зажегъ пороховую нитку, и пламя причудливой змѣйкой побѣжало къ раскрытымъ пороховымъ коробкамъ...

Страшный взрывъ былъ слышенъ за сто верстъ на сосѣднемъ русскомъ посту. Десятки убитыхъ и раненыхъ валялись на прилегающихъ улицахъ.

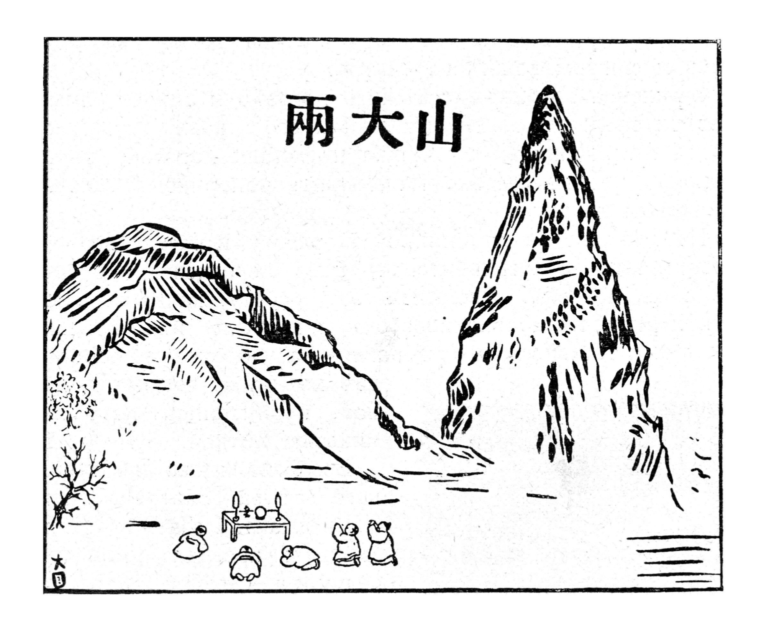
Во всѣ стороны разослалъ Ванъ погоню за пропавшимъ джантаемъ. Крупная награда была обѣщана тому, кто привезетъ его живымъ или мертвымъ.

Но ни съ чѣмъ явились посланцы.

И только недѣлю спустя, когда начали расчищать мѣсто взрыва и среди обломковъ нашли обгорѣлую руку съ дорогимъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, понялъ Ванъ, куда спрятался джантай Ли и почему явилась погоня съ пустыми руками.

---

[1]) Командующій всѣми войсками.

ДВѢ ГОРЫ.

Китайская сказка.

Квунгъ-Люнъ—высокая гора. Не меньше десяти тысячъ футовъ высоты насчитываютъ у нея люди.

Большую часть года ея вершина закрыта тучами, и къ ней ни одинъ еще человѣкъ не нашелъ доступа съ тѣхъ поръ, какъ гора существуетъ. Орлы и птицы санъ-чи [1]) не разстаются съ ней.

Однажды Квунгъ-Люнъ заговорила со своею сосѣдкой, горой Таи-Санъ:

— Я—высочайшая гора въ мірѣ. Я—самая неприступная и наиболѣе достойная поклоненія изъ всѣхъ здѣшнихъ горъ. Ко мнѣ приходятъ земледѣльцы: съ утренней зари до вечерней они ломаютъ камень у моего подножья. И съ разсвѣта до глубокой ночи поютъ для меня птицы.

У меня живутъ санъ-чи: чудесныя перья ихъ сверкаютъ на солнцѣ, а при лунѣ они окружены сіяніемъ. Человѣкъ цѣнитъ ихъ дороже всѣхъ перьевъ на свѣтѣ. Санъ-чи — мои: я ихъ питаю, и онѣ не разстаются со мной.

Вчера пришелъ сюда учитель съ учениками, и я слышала, какъ онъ разсказывалъ имъ про Конфуція:

Разъ Конфуцій, разговаривая съ молодымъ княземъ Лоа-Баи, спросилъ у него:

„Бывалъ ли ты когда-нибудь на горѣ Квунгъ-Люнъ?“

И князь отвѣтилъ:

„Нѣтъ“. Тогда Конфуцій показалъ ему прекрасный вѣеръ изъ перьевъ санъ-чи.

— Видалъ ли ты подобныя перья?—спросилъ онъ.

— Я — князь и много красивыхъ вещей видѣлъ на свѣтѣ, — сказалъ Лоа-Баи, — но такихъ восхитительныхъ красокъ мнѣ не приходилось еще наблюдать. Я дамъ тебѣ тысячу серебряныхъ монетъ, если ты достанешь мнѣ такой же вѣеръ.

„И Конфуцій отвѣтилъ:

— Исполни мое желаніе, и я отдамъ тебѣ вѣеръ. Продавать его мнѣ не хочется. Я не могу взять денегъ за него, потому что онъ былъ подаренъ моему прапрадѣду. Но, если ты исполнишь мой совѣтъ, вѣеръ будетъ твой.

— Я принимаю твой совѣтъ! — воскликнулъ молодой князь:—чего ты отъ меня желаешь?

— Ты—сильный князь [2]),—сказалъ Конфуцій:—у тебя войска больше, чѣмъ у другихъ князей. Но будь ты даже львомъ—ты не растерзалъ бы остальныхъ звѣрей въ лѣсу изъ-за одной лишь силы. Будь ты величайшей въ океанѣ рыбой—ты не проглотилъ бы всѣхъ остальныхъ рыбъ.

Молодой князь отвѣтилъ:

— Конечно, я предоставилъ бы всѣмъ слабымъ тварямъ рѣзвиться предо мною въ безопасности и счастьи.

— Ты — великій, могущественный князь,— продолжалъ Конфуцій,—другія княжества слабѣе твоего, и правители ихъ по собственному почину не начнутъ войны. Если ты обѣщаешь мнѣ въ теченіе шести лѣтъ не заставлять ихъ воезать — ты получишь отъ этихъ князей богатые дары. Ты получишь и этотъ чудесный вѣеръ изъ ста двадцати перьевъ санъ-чи, и золото, и слоновую кость съ чудной рѣзьбой, и самоцвѣтные каменья, и коней боевыхъ, и медвѣжьи лапы [3]). Все это пришлютъ тебѣ другіе князья, если ты примешь мой совѣтъ.

— А скоро я получу эти дары?—спросилъ молодой князь.

— Черезъ годъ,—отвѣтилъ Конфуцій:—мнѣ нужно побывать еще у остальныхъ князей.

И князь согласился исполнить желаніе Конфуція.

Тогда Конфуцій сказалъ ему:

— Я оставляю тебѣ свой вѣеръ, и если въ теченіе года ты не нарушишь обѣщанія — онъ будетъ твой. Но если, до истеченія срока, ты начнешь войну—ты обязанъ вернуть мнѣ вѣеръ.

Затѣмъ Конфуцій отправился къ правителямъ другихъ мелкихъ княжествъ, и четверо изъ нихъ дали обѣтъ мира

[1]) Санъ-чи—крупныя горныя птицы, съ однимъ перомъ рѣдчайшей красоты. Оно синяго цвѣта, съ длинной, волнистой, мѣстами бѣловатой бородкой.

Китайцы съ суевѣріемъ относятся къ этому перу, приписывая ему цѣлебныя свойства.

Иногда, поймавъ санъ-чи, они вырываютъ только это длинное перо, отпуская затѣмъ птицу на свободу. Перо, по словамъ охотниковъ, отрастаетъ въ теченіе шести лѣтъ. Санъ-чи долго живетъ, и перья ея цѣнятся въ особенности для вѣеровъ.

[2]) Въ то время нѣсколько мелкихъ князей вели между собой войну, и Конфуцій ходилъ къ каждому изъ нихъ, убѣждая его сохранить міръ. Онъ началъ съ молодого князя Лоа-Баи, такъ какъ тотъ былъ сильнѣе другихъ.

[3]) Медвѣжьи лапы считаются изысканнымъ блюдомъ въ Китаѣ.

Статуя Конфуція.

Древняя китайская пагода Юнь-Сеу—пагода «облака зеленаго нефрита».—Мраморный портикъ.

КИТАЙСКІЯ «ТЕЛЕФОННЫЯ БАРЫШНИ».

Китай уже давно не чуждается европейскихъ новшествъ, «изобрѣтеній западныхъ дьяволовъ»: все, что практично, быстро усвоивается китайцами: европейское оружіе, желѣзныя дороги, электричество—тому примѣръ.

Телеграфомъ китайцы пользуются уже давно, а въ настоящее время въ Китаѣ привились и телефоны, притомъ оборудованные по послѣднему слову науки. Французы говорятъ, что пекинская телефонная сѣть устроена лучше парижской.

Въ 1910 году китайскимъ Министерствомъ почтъ и путей сообщенія ассигновано 760.000 франковъ на оборудованіе телефона въ Пекинѣ. Предполагалось устроить двѣ станціи, разсчитанныя каждая на 6.500 абонентовъ

Главное затрудненіе, которое встрѣтилось при выполненіи плана, было набрать кадръ служащихъ и, главнымъ образомъ, телефонистокъ. Сдѣланныя попытки показали, что иностранки не въ состояніи справляться со службой въ китайской средѣ.

Набрать телефонистокъ изъ мѣстныхъ обитательницъ тоже оказалось невозможно, такъ какъ пока китаянки еще не приспособились къ интеллигентному труду.

Тутъ на выручку пришла калифорнійская телефонная компанія, испытавшая подобное же затрудненіе при устройствѣ телефона въ Санъ-Франциско.

Какъ извѣстно, въ Санъ-Франциско очень много китайцевъ, и хотя они тамъ занимаютъ отдѣльный кварталъ, но соприкосновеніе съ Янки очень тѣсное. Во многихъ школахъ ученики принадлежатъ къ обѣимъ націямъ. Это конечно вліяетъ на поднятіе интеллигентности среди китаянокъ и въ настоящее время многія изъ нихъ уже способны къ интеллигентному труду.

Телефонная Компанія открыла школу для телефонистокъ, и число учениць въ ней такъ велико, что оказалось возможнымъ уступить нѣкоторое количество «телефонныхъ барышенъ» Китаю.

Теперь телефонъ въ Пекинѣ вполнѣ законченъ, и молодыя китаянки исполняютъ свои обязанности не хуже своихъ сестеръ по ремеслу у другихъ народовъ.

и послали дары Лоа-Баи. Но одинъ изъ князей не пожелалъ ни платить дани ни объявлять войны.

Годъ еще не минулъ, а молодой князь уже обратился къ Конфуцію:

— Только четверо изъ князей прислали мнѣ дары. Желаетъ ли пятый князь войны или же онъ пришлетъ мнѣ дань по примѣру другихъ?

— Прими мой вѣеръ въ даръ и избавь отъ войны слабый и ничтожный народъ,—отвѣтилъ Конфуцій.

Тогда князь въ гнѣвѣ разорвалъ на себѣ длинную мантію и крикнулъ:

— Я истреблю народъ, который смѣетъ быть враждебнымъ мнѣ! Я объявлю войну имъ!

— Годъ еще не прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ ты далъ свое обѣщаніе,—замѣтилъ Конфуцій: —если ты объявишь войну, ты долженъ возвратить мнѣ драгоцѣнный вѣеръ.

И молодой князь вернулъ Конфуцію вѣеръ, а самъ отдалъ генераламъ приказъ готовиться къ войнѣ. Но уже спустя нѣсколько часовъ онъ раскаялся въ своемъ поступкѣ, такъ какъ вѣеръ Конфуція былъ для него цѣннѣе золота и драгоцѣнностей. Онъ отмѣнилъ приказъ о войнѣ и отправилъ къ Конфуцію посла со слѣдующимъ порученіемъ:

„Я, владѣтельный князь Лоа-Баи, раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ. Прошу тебя, приди ко мнѣ и принеси съ собою вѣеръ, ибо я цѣню его выше всего. Я отказался отъ войны“.

„Я занятъ важнымъ дѣломъ и не могу быть раньше послѣ завтрашняго дня“,—прислалъ отвѣтъ Конфуцій.

И снова князь сталъ счастливъ, надѣясь вернуть любой цѣной желанный вѣеръ.

На другой день онъ послалъ за Конфуціемъ самый почетный паланкинъ (его несли восемь человѣкъ) и вышелъ навстрѣчу самъ. Зная, чего добивался князь, Конфуцій, приближаясь, держалъ въ рукѣ драгоцѣнный вѣеръ, и Лоа-Баи не могъ отвести взора отъ сверкающихъ красокъ вѣера.

— Ты былъ вѣдь намѣренъ истребить враждебный тебѣ народъ. Зачѣмъ же ты прислалъ за мной? — спросилъ Конфуцій.

И князь, склонивъ предъ нимъ голову, отвѣтилъ:

— Я былъ неправъ. Послѣ глубокихъ размышленій я рѣшилъ воспользоваться твоимъ совѣтомъ и сохранить миръ. Верни мнѣ вѣеръ.

— Ты не получишь его на прежнихъ условіяхъ, — сказалъ Конфуцій,—такъ какъ ты нарушилъ обѣщаніе, готовясь къ войнѣ.

И въ горѣ молодой князь палъ ницъ, и свита засуетилась надъ нимъ.

— Если ты согласишься на новое условіе и обѣщаешь мнѣ никогда не начинать войну первымъ — вѣеръ будетъ твой,—сказалъ Конфуцій.

Молодой князь согласился, и Конфуцій вручилъ ему вѣеръ.

„И князь сказалъ.

— Этотъ вѣеръ цѣннѣе всѣхъ княжествъ для меня. Нѣтъ въ мірѣ вещи, равной ему по красотѣ. Ничто на свѣтѣ такъ не влекло меня къ себѣ, какъ этотъ чудный вѣеръ изъ перьевъ санъ-чи.

Кончивъ этотъ разсказъ, Квунгъ-Люнъ гора сказала горѣ Таи-Санъ:

— И вотъ, несмотря на то, что прекраснѣйшія созданія природы, птицы санъ-чи, живутъ у меня—тысячи людей воздаютъ съ поклонами почести тебѣ, а меня едва замѣчаютъ.

То, что ты даешь людямъ, такъ ничтожно. Красоты у тебя нѣтъ, высоты и величія — тоже. Вершина твоя не выше облаковъ, и ты не видишь тайниковъ, гдѣ скрывается громъ и рождается буря. Перья, что ты даришь людямъ, не превосходятъ красотою цвѣтовъ.

Почему же люди поклоняются тебѣ, а не мнѣ?

И охотникъ приходитъ ко мнѣ, и земледѣлецъ ломаетъ мой камень, а меня, дарящую, они забываютъ.

Скажи же мнѣ правду—отчего люди не любятъ меня?

И Таи-Санъ отвѣтила:

— Я скажу тебѣ—отчего. Ты слишкомъ надменна. Отъ подножья до вершины ты вся горда, неприступна, камениста.

Въ тебѣ нѣтъ привѣтливости. Дѣтямъ негдѣ играть у тебя. Лѣтомъ люди приходятъ убирать хлѣбъ и плоды, но ты ничего не можешь дать имъ. Отъ твоихъ скалъ и камней больно ногамъ. Кто же станетъ посѣщать тебя? Ты негостепріимна.

За что же люди будутъ поклоняться тебѣ?

Я ниже тебя и удобнѣе. И птицы прилетаютъ ко мнѣ вить гнѣзда, и люди собираются у меня въ лѣтнее время.

Сердце мое доступно всѣмъ, и каждый знаетъ и любитъ меня.

Гордецъ и кроткій живутъ въ мірѣ рядомъ. Но счастье добраго и кроткаго непонятно гордецу.

壽

Языкъ четырехсотмилліоннаго народа.

Китайскіе іероглифы. Очеркъ А. Паперъ.

Въ виду предстоящихъ перемѣнъ въ „Великой Китайской республикѣ" интересно отмѣтить нѣкоторыя странныя, хотя логичныя особенности языка, съ помощью котораго больше четырехсотъ милліоновъ человѣкъ вели свои политическія и торговыя дѣла, развивали мыслительныя способности и становились смиренными послѣдователями учителя, чьи произведенія, хотя написанныя раньше христіанской эры, до сей поры считаются священными, несмотря на ихъ нынѣшнюю горячую преданность „новому ученію".

Въ качествѣ разговорнаго языка, языкъ этотъ является единственнымъ среди способовъ общенія между людьми въ томъ отношеніи, что для достиженія своихъ цѣлей пользуется музыкальными тонами.

Выражаться, понятно, помогаетъ говорящему не столько правильное произношеніе китайскаго слова, сколько надлежащая интонація этого слова, такъ какъ значеніе слова въ китайскомъ языкѣ опредѣляется безусловно тономъ, какимъ оно произносится.

Если вспомнимъ, что одно и то же слово можетъ имѣть пять различныхъ звуковъ, такъ незначительно отличающихся другъ отъ друга, что немузыкальное ухо съ трудомъ можетъ уловить разницу между ними, то немедленно поймемъ, какъ трудно иностранцу научиться говорить по-китайски.

Онъ проситъ своего слугу китайца принести ему шляпу — по-китайски „моу", — но дѣлаетъ неправильную модуляцію, и тотъ приноситъ ему кошку, потому что слово „моу", кромѣ шляпы, значитъ также кошка, будучи произнесено другимъ тономъ.

И, однакоже, будучи однимъ изъ самыхъ трудныхъ, языкъ этотъ является въ то же время однимъ изъ самыхъ легкихъ и понятныхъ для всякаго, кто обладаетъ хорошей памятью, между тѣмъ какъ скрытый въ немъ юморъ дѣлаетъ изученіе его чрезвычайно интереснымъ.

Благодаря вѣковому упражненію въ распознаваніи символическаго значенія своихъ любимыхъ іероглифовъ, молодому китайцу, изучающему, напримѣръ, англійскій языкъ, бываетъ сначала трудно допустить, что буквы M, A, N (че-

1. Человѣкъ.

2. Человѣкъ.

3. Великій.

4. Небо.

ловѣкъ) такъ же успѣшно обозначаютъ по англійски двуногое человѣческое существо, какъ древняя китайская буква, изображающая человѣка (1).

Въ этой буквѣ мы видимъ двѣ черты, представляющія ноги человѣка, и на основаніи этого предполагаемъ, что китаецъ мало цѣнилъ мыслящую часть человѣческаго тѣла или пользу рукъ, пока не узнаемъ, что въ теченіе вѣковъ китайцы старались сокращать многія изъ своихъ буквъ, такъ что послѣднія лишились своей первоначальной изобразительности.

Поэтому изученіе древне-китайскаго языка показываетъ намъ, что слово человѣкъ въ прошедшіе вѣка было легко узнать, такъ какъ оно писалось во всей своей первоначальной полнотѣ (2), и въ такой формѣ слово человѣкъ обозначалось въ китайской литературѣ за семьсотъ лѣтъ до того, какъ израильтяне переправились черезъ Чермное море.

Каждая буква представляетъ собою слово, и одно слово можетъ состоять изъ нѣсколькихъ словъ, сгруппированныхъ вмѣстѣ, благодаря чему и возникаютъ слова-рисунки.

Интересно отмѣтить высокомѣріе въ группѣ словъ для обозначенія слова „великій", состоящей изъ слова „человѣкъ" и изъ цифры „одинъ", написанной поперекъ него (3), откуда слѣдовало, что человѣкъ былъ величайшимъ предметомъ среди всего существующаго.

Но, при всемъ своемъ заносчивомъ высокомѣріи, китаецъ, очевидно, искренно признаетъ надъ собою высшую власть, такъ какъ мы видимъ, что слово „великій" лишается своего значенія, если вершина его еще разъ перечеркнута цифрой одинъ (4), что обозначаетъ собою слово „небо", служащее яркой иллюстраціей того факта, что китаецъ смиренно признаетъ существованіе силы, которая стоитъ выше человѣка, выше всего.

Для слова „человѣкъ" существуетъ другая форма, употребляющаяся обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда „человѣкъ" составляетъ часть другой буквы (5). Такъ, напримѣръ, китайцы съ огромнымъ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ, если разливы рѣкъ споспѣшествуютъ имъ въ этомъ. Представленіе о земледѣльцѣ тотчасъ же соединяется у насъ съ представленіемъ о поляхъ. То же самое происходитъ и у китайцевъ; что же можетъ быть разумнѣе, какъ соединить ихъ вмѣстѣ? И мы, дѣйствительно, находимъ, что „человѣкъ", стоящій около поля, означаетъ

5. Человѣкъ.

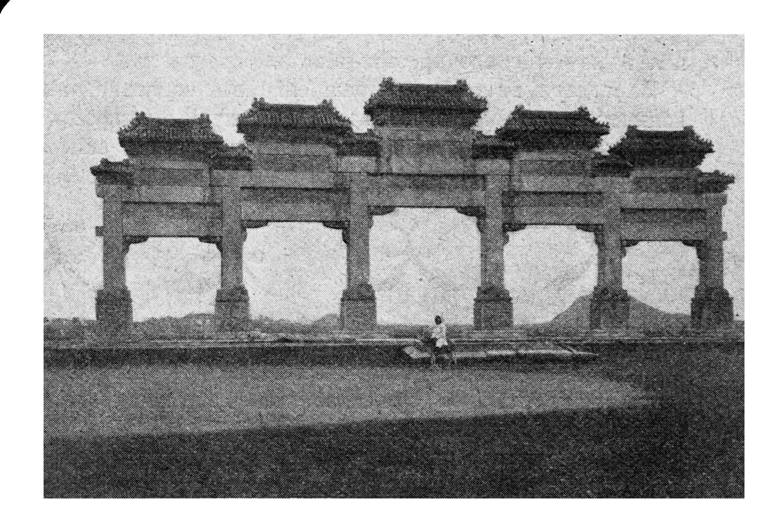

6. Земледѣлецъ.

7. Ротъ.

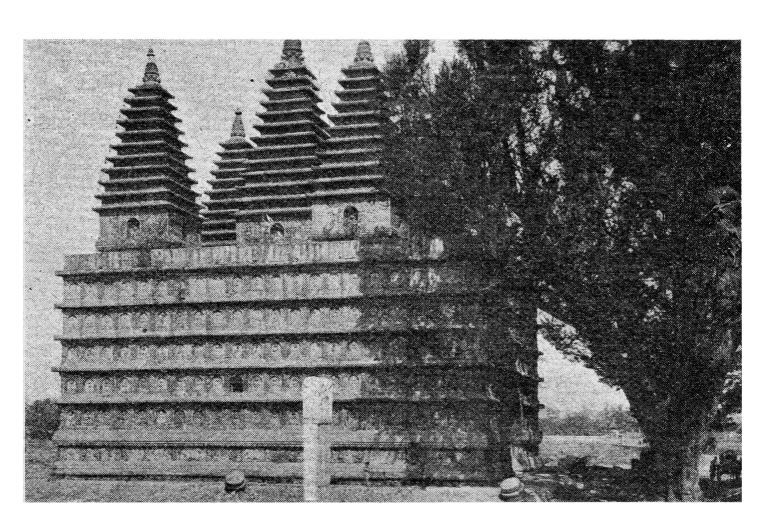

8. Счастье

слово „земледѣлецъ" (6). Будучи дополненной въ связи съ этимъ, послѣдняя буква помогаетъ намъ открыть китайское понятіе о „счастіи".

Китаецъ довольствуется, какъ увидимъ, очень немногимъ, и слово „счастье" отбрасываетъ трогательный свѣтъ на голодающіе милліоны трудолюбивыхъ землевладѣльцевъ, чьи плодородныя поля были затоплены опустошительными наводненіями. Слово „ротъ" (7) пишется надъ словомъ „поле", послѣ чего группа дополняется словомъ „чело-

Арка изъ бѣлаго мрамора, ведущая на древнее кладбище китайской династiи Минговъ. Кладбище находится въ 60 в. отъ Пекина.

Храмъ У-тай-сы (храмъ пяти пагодъ). Одинъ изъ старѣйшихъ храмовъ близъ Пекина. Построенъ въ XV столѣтiи.

Юнъ-хо-гунъ, нѣкогда знаменитый ламаитскiй монастырь въ Пекинѣ. Здѣсь жилъ перерожденецъ-гегенъ.

Пагодная арка „Пай-по" на улицѣ въ Пекинѣ. Вся изъ рѣзного деревг. Вдали императорскiй дворецъ.

КИТАЙСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

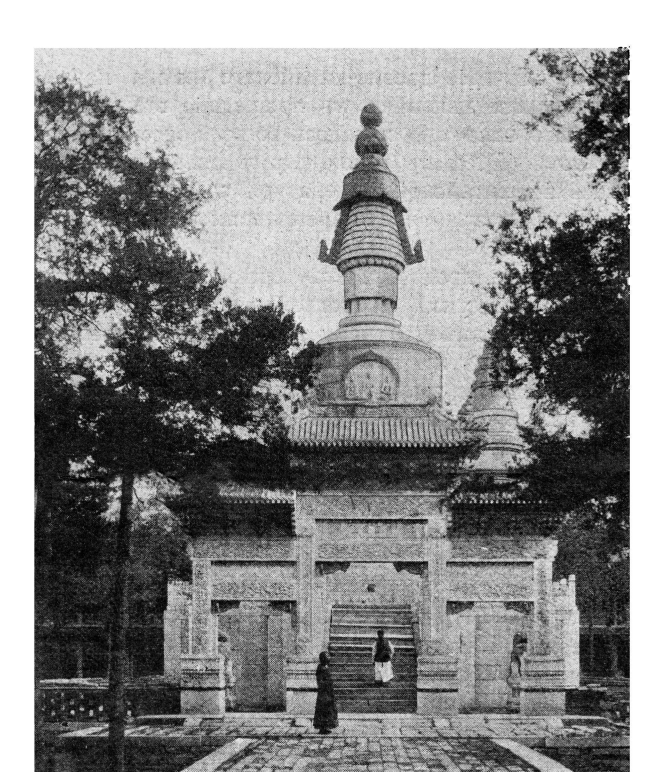
Первое впечатлѣнiе, которое охватываетъ европейца, когда онъ посѣщаетъ большой китайскiй городъ, будетъ ли это Тянь-цзинъ, съ его миллiоннымъ рабочимъ и торговымъ населенiемъ, или столица Китая, Пекинъ, съ его знаменитыми храмами и императорскими дворцами, это впечатлѣнiе особеннаго однообразiя въ постройкахъ, постояннаго преобладанiя, за единичными лишь исключенiями, одного архитектурнаго типа. Китайскiй архитектурный стиль одинаково выдержанъ и въ храмахъ, и въ дворцахъ, и общественныхъ зданiяхъ. Кромѣ однообразiя въ архитектурѣ китайскихъ построекъ, необходимо установить и другую особенность: отсутствiе въ Китаѣ не только старинныхъ зданiй, но и развалинъ, что объясняется, какъ легкостью архитектурнаго типа построекъ, такъ и быстрою разрушаемостью примѣняющагося строительнаго матерiала—дерева и кирпича.

По сохранившимся памятникамъ и нѣкоторымъ храмамъ, относящимся къ древней исторiи Китая, можно видѣть, что архитектура современныхъ построекъ не ушла впередъ, а повторяетъ лишь древнiе, вѣками сохраняемые образцы. Такое постоянство и неизмѣняемость китайской архитектуры въ теченiе многихъ столѣтiй жизни китайскаго народа объясняется крайней консервативностью китайскаго характера, стойкостью его быта, привычекъ и отсутствiемъ творчества.

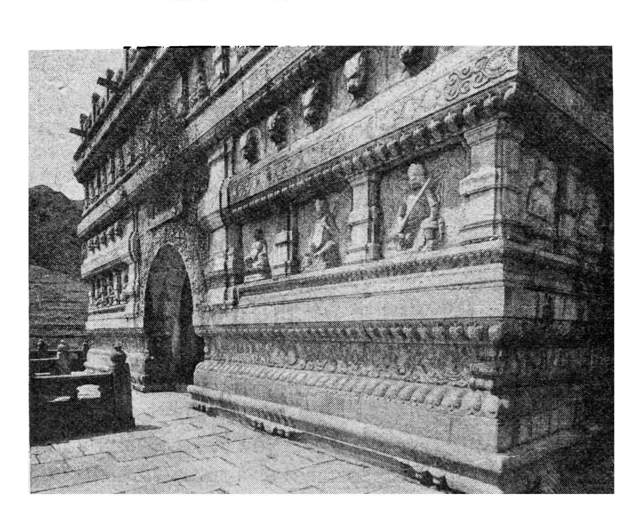
Изъ камня въ Китаѣ имѣются построенными лишь нѣсколько храмовъ, да изваянiя животныхъ и витязей по дорогѣ на императорское Мингское кладбище. Имѣется въ Пекинѣ нѣсколько арокъ, сооруженныхъ въ честь событiй и лицъ, для увѣковѣченiя ихъ памяти въ потомствѣ. Почетныя арки и ворота, ведущiя въ храмы, покрываются скульптурными украшенiями-символами. Драконъ, облака, миѳическая птица Фениксъ, цвѣтокъ лотоса—вотъ излюбленныя у китайцевъ изображенiя не только въ скульптурѣ, но и въ живописи, и на тканяхъ (вышивки).

Кромѣ камня,—длинныхъ и широкихъ плитъ, идущихъ для постройки мостовыхъ,—китайцы охотно употребляютъ и бѣлый мраморъ, украшая имъ перила мостовъ и дѣлая баллюстраду у храмовъ. Архитектурный типъ китайскаго моста въ высшей степени оригиналенъ и служитъ скорѣе показателемъ своеобразнаго китайскаго творчества, но непримѣнимъ для своего практическаго назначенiя. Таковъ мраморный «Мостъ нищихъ», въ императорскомъ дворцѣ въ Пекинѣ и нѣсколько старинныхъ мостовъ въ окрестностяхъ Пекина.

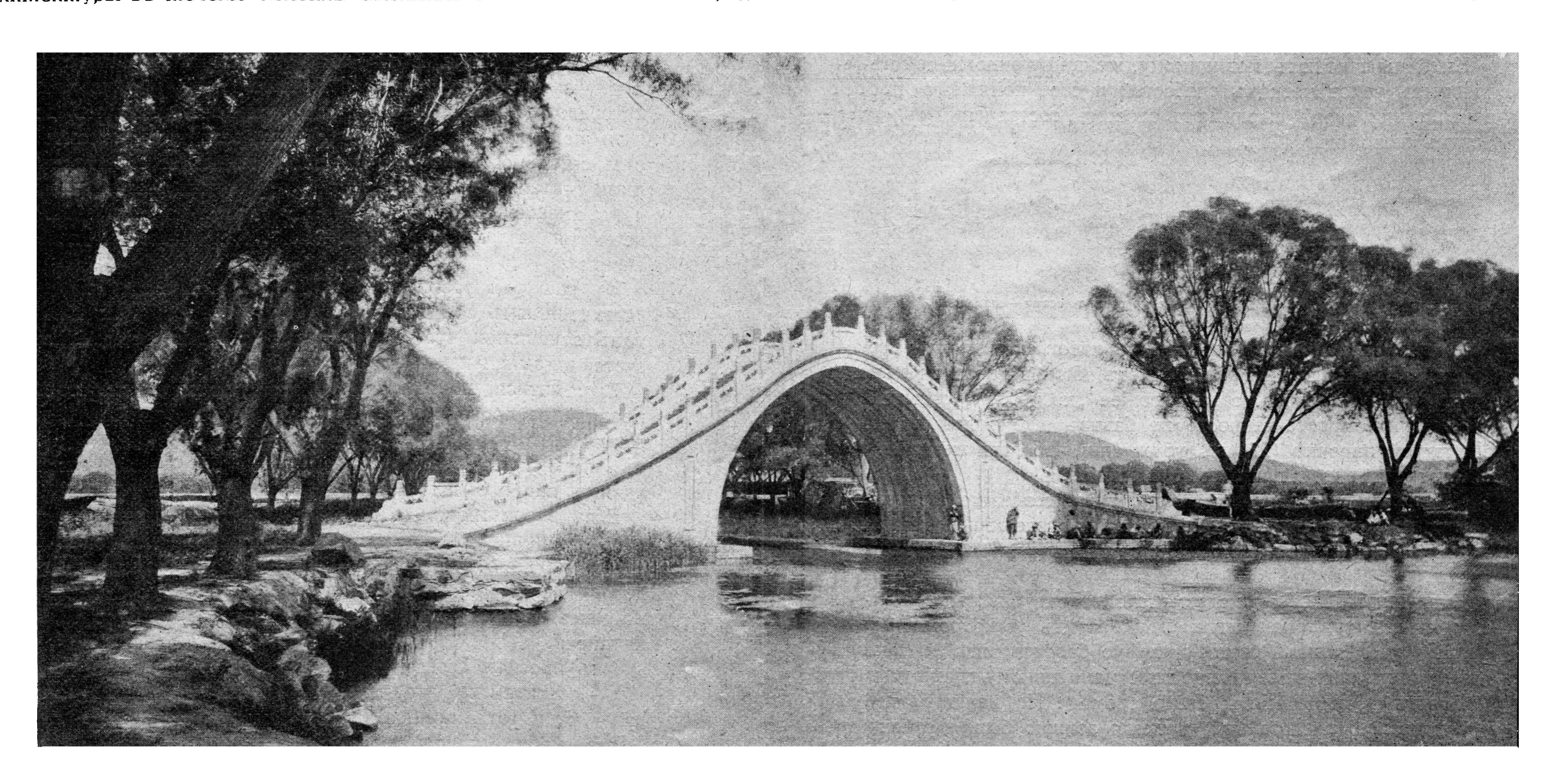
М. Корсакова.

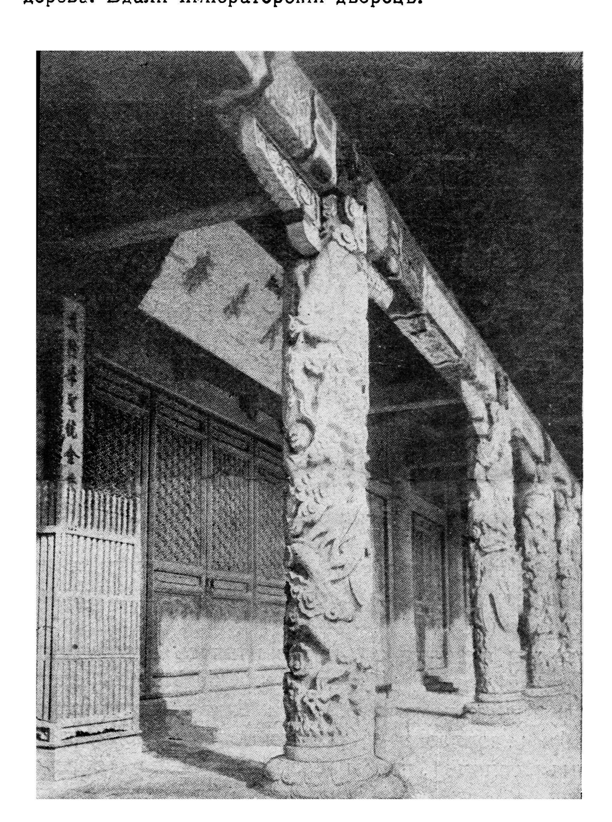
Входъ „въ желтый монастырь—Хуанъ-сы". Монгольская святыня. Основанъ въ XVII в.

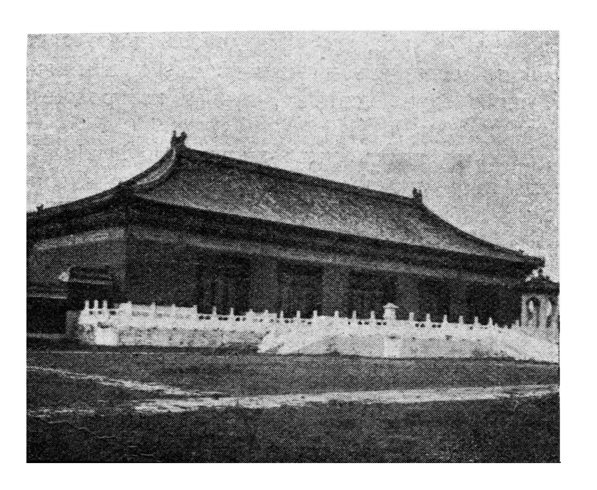
Нижнiй этажъ каменнаго храма „Пiюнъ-сы" съ высѣченными изображенiями учениковъ Будды.

„Мостъ нищихъ" въ императорскомъ лѣтнемъ дворцѣ. Мостъ изъ бѣлаго мрамора.

Мраморныя колонны съ изсѣченными по нимъ драконами.

Дворецъ императора, гдѣ онъ проводитъ время передъ жертвоприношенiемъ въ честь Неба.

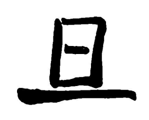
вѣкъ" (8); образъ человѣка со ртомъ, приближеннымъ къ рисовому полю, вполнѣ удовлетворяетъ голоднаго обитателя Небесной имперіи.

Читатель, несомнѣнно, знакомъ съ самой обычной формой восточнаго наказанія, которое было распространено въ Китаѣ въ теченіе столѣтій, и состоитъ въ томъ, что на

9. Арестантъ.

10. Солнце.

11. Солнце.

12. Горизонтъ.

шею преступнику надѣваютъ огромный четырехугольный деревянный ошейникъ и затѣмъ водятъ его вдоль большой дороги, чтобы всѣ могли видѣть его позоръ.

Имѣя постоянно у себя передъ глазами такую иллюстрацію, китаецъ безъ труда могъ найти знакъ для слова „арестантъ", и такимъ образомъ мы находимъ, что „человѣкъ въ ящикѣ" (9) служитъ для китайца лучшимъ выраженіемъ понятія о наказаніи за преступленіе и нравственномъ униженіи.

Мы уже упоминали, что китайскіе іероглифы въ своемъ первоначальномъ начертаніи отличались болѣе буквальной изобразительностью, а въ своей современной сокращенной формѣ утратили значительную долю своего символическаго значенія. Это видно особенно ясно въ древней и современной формахъ слово „солнце". Столѣтія тому назадъ кругъ и точка, стоящая въ центрѣ этого круга (10), обозначали это небесное тѣло и въ то же время доказывали знакомство китайцевъ съ астрономіей. Но четырехъугольникъ написать легче круга, и такимъ образомъ мы находимъ, что

15. Замо́къ.

16. Просить.

въ современной китайской литературѣ прямыя линіи замѣнили собою кривыя, и слово „солнце" приняло теперь такую форму (11).

Китайцы сдѣлали то, что считалось невозможнымъ. Они превратили кругъ въ квадратъ. Обозначивъ солнце, было нетруднымъ дѣломъ изобрѣсти букву, которая обозначала бы собою „горизонтъ"; стоило только провести черту подъ словомъ „солнце", чтобы обозначить слово „горизонтъ" (12).

Что выборъ этихъ значковъ для словъ дѣлался съ толкомъ и съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, видно изъ того, какъ составители древняго китайскаго алфавита обозначили слово „свѣтъ". Сначала они взяли для обозначенія этого слова знакъ солнца, но, какъ будто бы оно было недостаточно свѣтло, выбрали другое самое близкое яркое свѣтило и, соединивъ вмѣстѣ солнце и мѣсяцъ, составили иллюстрацію слова „свѣтъ", лучше которой едва ли кто могъ бы придумать (13).

При письмѣ этихъ словъ-рисунковъ каждый тончайшій росчеркъ пера имѣетъ свое собственное значеніе.

17. Слушать.

18. Честность.

19. Женщина.

20. Добро.

Въ словѣ „дверь" мы видимъ входъ и надъ нимъ рѣшетку (14), а свой основательный страхъ нежеланнаго визита ночного вора китаецъ выражаетъ словомъ „замокъ", гдѣ поперекъ двери проведена толстая черта (15).

Попрошайничество нищей братіи — нищенство составляетъ въ Китаѣ особую профессію — подало китайскому лексикографу вѣрную мысль для обозначенія слова „просить" и наше знакомство съ тѣмъ же типомъ попрошаекъ, встрѣчающихся въ нашихъ странахъ, даетъ намъ возможность оцѣнить значеніе слова - рисунка „ротъ въ дверяхъ" (16).

Затѣмъ дверью можно было воспользоваться для иллюстраціи одной слабости человѣческой природы, которую нельзя назвать исключительно китайской; но, что нѣкоторые изъ китайцевъ имѣютъ привычку подслушивать у замочной скважины, доказываетъ, повидимому, ихъ буква, обозначающая слово „слушать" (17), гдѣ мы видимъ „ухо у двери".

Китайскій іероглифъ, обозначающій „честность", гдѣ мы видимъ „человѣка, стоящаго у своего слова" (18), правильно изображаетъ отличительную черту всѣхъ китайцевъ.

Буква, обозначающая слово „женщина" (19), всегда встрѣчается, какъ составная часть, въ китайскихъ словахъ сомнительнаго и низменнаго значенія. Въ этомъ, можетъ

21. Ссора.

22. Сплетни.

23. Домъ.

24. Бракъ.

быть, выражается низкое положеніе женщины въ странѣ, гдѣ мужчина всѣмъ неограниченно управляетъ и гдѣ женщина считается низшимъ существомъ. Въ теченіе несчетныхъ вѣковъ находилась въ такомъ незавидномъ положеніи косоглазая дамочка въ имперіи Дракона.

Однако существуетъ любопытное китайское составное слово, которое можетъ дать до нѣкоторой степени служить утѣшеніемъ китайской женщинѣ и является единственной искрой надежды, озаряющей ея незавидное положеніе.

Китайцы не спрашиваютъ, сколько у кого дѣтей, а сколько сыновей. Дѣвочки въ счетъ не идутъ. Не удивительно поэтому, что слово „добро" состоитъ изъ двухъ буквъ (20), „женщины и сына?" Потому что въ китайскомъ домѣ лишь тогда можно чаять „добра", когда женщина становится матерью сына.

Китайцы считаютъ, повидимому, женщину виновницей нѣкоторыхъ человѣческихъ слабостей и свое понятіе о пререканіи или ссорѣ выражаютъ словомъ, составленнымъ изъ „двухъ женщинъ" (21).

25. Миръ.

26. Все, существующее подъ небесами—одна семья.

Дойдя до этой точки въ своемъ идеографическомъ изображеніи человѣческихъ недостатковъ, китайцы сравнительно легко изобрѣли слово, обозначающее „козни, злоумышленіе и сплетни", просто-напросто прибавивъ еще женщину къ бранчивой парочкѣ (22) въ убѣжденіи, что „три женщины" и „сплетни" неразлучны между собою.

Китайская женщина ничего не могла возразить противъ этого, не только въ силу своего безправнаго общественнаго положенія, но и по причинѣ полнаго незнанія письменнаго языка.

Вооружившись знакомствомъ съ литературнымъ языкомъ и мужествомъ, она могла бы схватить нѣкоторыя изъ этихъ чудовищныхъ буквъ и смѣло бросить ихъ въ лицо своему господину, повелителю и неограниченному главѣ дома.

Возьмемъ, напримѣръ, слово „домъ". По нашему мнѣнію, чувство мужского самоуваженія должно было заставить китайца опровергнуть скрытое оскорбленіе и хулу, выражающіяся въ этомъ словѣ, такъ какъ оно состоитъ изъ двухъ буквъ „свинья подъ крышей" (23).

Но мы напрасно будемъ искать какой-нибудь отговорки, когда литературное изслѣдованіе приведетъ насъ къ откры-

тію китайскаго слова „бракъ". Всѣ понятія о мужскомъ превосходствѣ исчезаютъ, и у насъ появляется чувство сильной досады на составителей этого страннаго языка, въ то время, какъ мы разсматриваемъ чудовищную комбинацію изъ трехъ буквъ, выражающихъ китайское понятіе о „бракѣ" и изображающихъ „женщину и свинью подъ крышей" (24).

Но существуетъ одно слово, въ которомъ она играетъ господствующую роль и такимъ образомъ полагаетъ создать символъ одного изъ благороднѣйшихъ качествъ человѣческаго рода.

Присутствіе этой буквы въ языкѣ въ значительной степени вознаграждаетъ за явную несправедливость, оказанную ей въ другихъ изъ этихъ интересныхъ словъ-рисунковъ, такъ какъ въ словѣ „миръ" мы находимъ двѣ буквы „женщину подъ крышей" (25).

Мы могли бы продолжать до безконечности изслѣдованіе изобразительнаго и логическаго построенія этого древняго, какъ міръ, языка и его порою веселаго значенія.

Хорошо, что Китай, приготовляющійся теперь къ безпримѣрному по своимъ размѣрамъ преобразованію, вводитъ у себя западную науку и литературу, такъ какъ онѣ безусловно необходимы для его блага. Однако желательно также, чтобы его древнія традиціи не были забыты и чтобы мудрыя предписанія его древнихъ мудрецовъ не потеряли силу, такъ какъ за пять вѣковъ передъ тѣмъ, какъ намъ было открыто, что „Богъ создалъ изъ одной крови всѣ народы, обитающіе на землѣ", одинъ изъ этихъ древнихъ китайскихъ философовъ заявилъ съ неменьшей энергіей:

— Все, существующее подъ небесами,—одна семья (26).

ТРЕСТЪ НИЩИХЪ ВЪ КИТАѢ.

Очеркъ А. П—ръ.

Во всѣхъ большихъ городахъ Европы существуютъ союзы профессіональныхъ нищихъ. Но по причинѣ своей многочисленности синдикаты эти не пользуются серьезнымъ вліяніемъ.

Китайскіе нищіе ведутъ дѣло въ болѣе широкихъ размѣрахъ; всѣ они принадлежатъ къ одному синдикату, который по своимъ развѣтвленіямъ, проникающимъ во всѣ провинціи имперіи, заслуживаетъ названія „треста нищихъ".

Этотъ союзъ представляетъ изъ себя настоящее тайное общество, имѣющее свой особый уставъ и пароль. Дѣлами общества завѣдуетъ комитетъ изъ пяти лицъ, живущихъ въ Пекинѣ, Шанхаѣ и другихъ большихъ городахъ; имена ихъ составляютъ тайну союза.

Всѣ эти лица, по разсказамъ, бывшіе нищіе. Но, надо полагать, что ремесло ихъ прибыльно, такъ какъ таинственныя личности живутъ по-барски въ роскошныхъ квартирахъ, гдѣ принимаютъ иногда заѣзжихъ иностранцевъ и даже консуловъ.

Говоря правду, квартиры эти служатъ имъ только временнымъ жилищемъ. Сюда къ нимъ являются по дѣламъ агенты и служащіе синдиката. Въ частной же жизни они занимаются болѣе почтенными профессіями—торговлей, содержаніемъ отелей или ресторановъ, доставкой товаровъ и т. д.

Что касается числа членовъ союза, то о немъ мы можемъ только догадываться, но ихъ должно быть не меньше милліона, судя по множеству нищихъ, встрѣчающихся на всемъ пространствѣ имперіи.

Что поражаетъ иностранца, только что прибывшаго въ Китай, такъ это именно множество нищихъ, толпящихся на улицахъ большихъ городовъ. Однако еще больше изумленія возбуждаетъ въ немъ огромное число увѣчныхъ среди этихъ нищихъ.

Безрукихъ, хромыхъ, калѣкъ среди нихъ видимо-невидимо. Они попадаются на каждомъ шагу. Если же туристъ вздумаетъ прогуляться за городъ, то и самъ будетъ не радъ своей затѣѣ! Его осадятъ толпы увѣчныхъ, которые будутъ совать ему въ глаза самыя ужасныя раны и самыя отвратительные культяпки.

И всѣ эти бродяги принадлежатъ къ тресту, все это члены синдиката! Бѣда тѣмъ, которые сочтутъ возможнымъ не присоединиться къ союзу, а главное не вносить въ его кассу часть своихъ сборовъ! Трестъ не замедлитъ ихъ бойкотировать, если только не отомстить болѣе жестокимъ образомъ.

Нищая братія не выноситъ освобожденія изъ-подъ своего гнета, и независимые—„желтые"—становятся предметомъ клеветническихъ доносовъ полицейскимъ мандаринамъ, благодаря которымъ рано или поздно попадаютъ въ тюрьму.

Тайные агенты синдиката прибѣгаютъ даже къ яду и кинжалу, чтобы избавиться отъ своихъ вѣроломныхъ собратьевъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ агентахъ, исполняющихъ сложныя обязанности. Они должны прежде всего собирать взносы присоединившихся членовъ и передавать ихъ въ главный комитетъ. Чтобы они не похитили часть собранныхъ денегъ, комитетъ наряжаетъ за ними безпрерывный надзоръ. Неблагородный поступокъ равносиленъ смертному приговору.

Переодѣтые во всевозможные костюмы — зажиточныхъ горожанъ, бонзъ или крестьянъ—они слѣдятъ за нищими и провѣряютъ ихъ сборы. Чтобы ихъ могли узнать, они всегда носятъ на себѣ какую-нибудь вещицу (обыкновенно маленькую лакированную дощечку, украшенную таинственными знаками), служащую доказательствомъ и признакомъ ихъ власти. Они обмѣниваются секретными знаками съ нищими, которымъ хотятъ открыться, и такимъ образомъ могутъ различать посвященныхъ отъ профановъ.

На обязанности этихъ агентовъ лежитъ также ходить по деревнямъ и разыскивать дѣтей-уродовъ, которыхъ они покупаютъ у родителей и которыхъ союзъ обучаетъ нищенству. Естественно, что самыя отвратительныя дѣти дороже всего цѣнятся этими поставщиками „двора чудесъ", который союзъ старается постоянно пополнять новыми уродами.

Если же уродовъ не хватаетъ, ихъ фабрикуютъ! Это самая отвратительная черта союза, побудившая вдовствующую китайскую императрицу начать съ нимъ борьбу. Союзъ покупаетъ хорошо сложенныхъ дѣтей въ раннемъ возрастѣ и отдаетъ ихъ спеціалистамъ, которые превращаютъ ихъ въ жалкихъ калѣкъ, пользуясь для этого самыми ужасными способами.

Стянутыя день и ночь повязками въ самыхъ невозможныхъ положеніяхъ руки и ноги несчастныхъ малышей становятся неподвижными. Послѣ двухъ, трехъ лѣтъ такого безчеловѣчнаго обращенія малолѣтнихъ жертвъ отдаютъ членамъ союза, которымъ поручено эксплуатировать общественное состраданіе, выдавая ихъ за собственныхъ дѣтей.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пишущему эти строки пришлось видѣть сцену, которая показала ему, какъ сильна организація союза. Это было въ Шанхаѣ, въ одномъ отелѣ, гдѣ много иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ имѣли обыкновеніе вмѣстѣ завтракать и обѣдать.

Какъ во время завтрака, такъ и во время обѣда подъ окнами отеля собиралась толпа нищихъ, и жалобныя приставанія этихъ попрошаекъ, въ числѣ которыхъ находилась конечно, цѣлая коллекція увѣчныхъ, говоря безъ преувеличенія, мѣшали намъ разговаривать.

Ихъ крики заглушали наши голоса!

По совѣту слуги, молодого китайца, мы рѣшились въ одинъ прекрасный день войти въ переговоры съ однимъ изъ нищихъ, нѣкіимъ Джо-Джо, который ходилъ, сгорбившись и опираясь на палку; по его словамъ, онъ страдалъ съ дѣтства болѣзнью спинного мозга.

— Мы будемъ платить тебѣ по одному доллару въ день, — предложилъ ему нашъ толмачъ, — если ты избавишь насъ отъ своихъ товарищей.!

— Накиньте десять центовъ на долларъ,—отвѣтилъ онъ намъ,—и я ручаюсь, что васъ не будутъ больше безпокоить.

— Нѣтъ, довольно съ тебя и одного доллара. А иначе мы обратимся къ одному изъ твоихъ товарищей.

Угроза подѣйствовала, и договоръ былъ заключенъ. Надо отдать справедливость Джо-Джо, онъ не бралъ даромъ денегъ: начиная съ слѣдующаго дня, мы могли бесѣдовать спокойно. Нищіе, оглушавшіе насъ своими гортанными криками, исчезли точно по волшебству, и окрестности отеля можно было сравнить послѣ этого съ какимъ-нибудь тихимъ переулкомъ въ французскомъ провинціальномъ городѣ.

Однако дѣлать комплименты всегда неосторожно. Похваливъ какъ-то разъ своего освободителя за его успѣшное вмѣшательство, мы тотчасъ же узнали, что никогда не слѣдуетъ выражать китайцу довольства его услугами.

Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, хитрый обитатель Небесной имперіи тотчасъ же запросилъ съ насъ полдоллара прибавки! Это безстыдство насъ, конечно, возмутило, и мы отвѣтили на него категорическимъ отказомъ.

Такой отвѣтъ былъ еще худшей неосторожностью.

Въ тотъ же вечеръ толпа гнусливыхъ и крикливыхъ нищихъ расположилась подъ окнами отеля, и мы поняли, но слишкомъ поздно, къ сожалѣнію, что потерянный покой

стоилъ пятидесяти су прибавки, которую хотѣлъ вынудить у насъ нашъ вліятельный посредникъ.

Въ скоромъ времени мнѣ пришлось отправиться въ сосѣдній городъ. Остальные посѣтители ресторана, составлявшіе нашъ маленькій клубъ, спустя немного, были отозваны въ Европу, такъ что товарищи Джо-Джо не могли больше оглушать насъ своими завываніями. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ означенныхъ событій я обѣдалъ съ тремя своими старыми товарищами въ другомъ ресторанѣ въ Шанхаѣ, когда слуга доложилъ намъ, что насъ желаетъ видѣть „китайскій джентльменъ".

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, ввелъ въ залу человѣка, разодѣтаго въ шелкъ, который приблизился къ намъ съ улыбкой на губахъ и съ протянутой рукою. Однако если бы онъ не назвалъ себя, мы ни за что не узнали бы въ немъ своего прежняго избавителя.

Это былъ не кто иной, какъ Джо-Джо, но Джо-Джо, преобразившійся съ головы до ногъ. У него была чрезвычайно представительная фигура и величавая походка и, глядя на него, мы почти совсѣмъ забыли, что когда-то это былъ жалкій калѣка, который ходилъ, согнувшись въ три погибели и еле-еле передвигая ноги.

И этотъ пышный шелковый, расшитый золотомъ костюмъ на тѣхъ же самыхъ плечахъ, которыя еще такъ недавно скрывались подъ грудой неописуемыхъ лохмотьевъ!

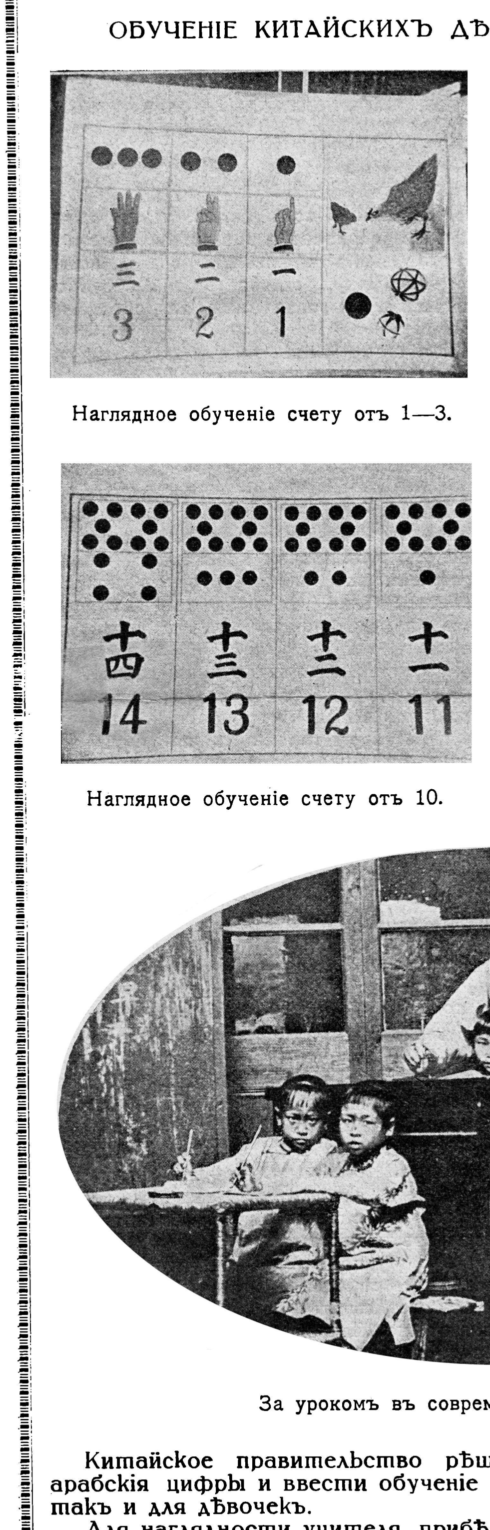
Мы позвали толмача, состоявшаго при отелѣ, чтобы выяснить причины этого неожиданнаго визита. Джо-Джо объявилъ, что у него не было никакой другой цѣли, какъ только повидаться съ своими прежними господами. Онъ увидѣлъ насъ въ окно ресторана, и желаніе выразить намъ свою признательность заставило его явиться къ намъ.

Мы приняли его, конечно, любезно, въ особенности когда узнали, что изъ простого нищаго онъ сдѣлался недавно „сборщикомъ десятины для нуждъ союза".

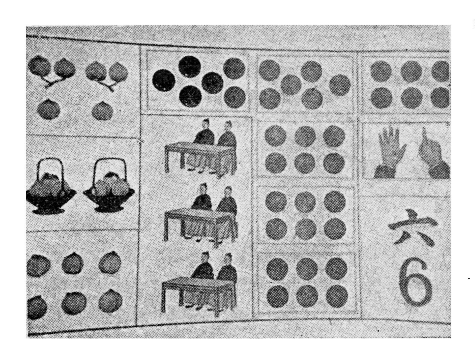
Отъ него-то мы и узнали за чашкой чая все, что здѣсь разсказано о знаменитомъ трестѣ нищихъ въ Китаѣ.

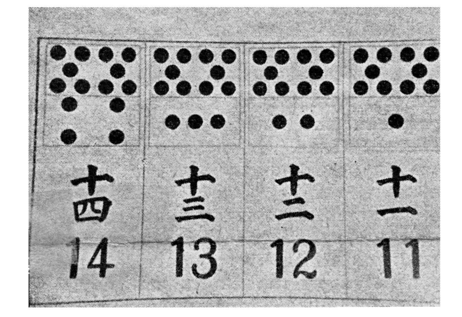
ОБУЧЕНІЕ КИТАЙСКИХЪ ДѢТЕЙ ЕВРОПЕЙСКОМУ СЧЕТУ.

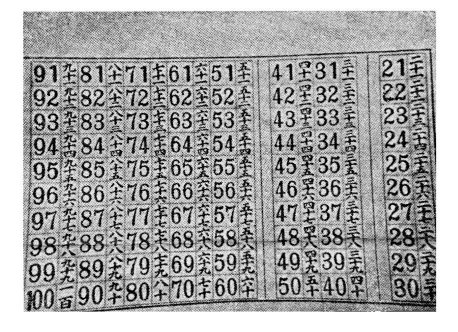
Наглядное обученіе счету отъ 1—3.

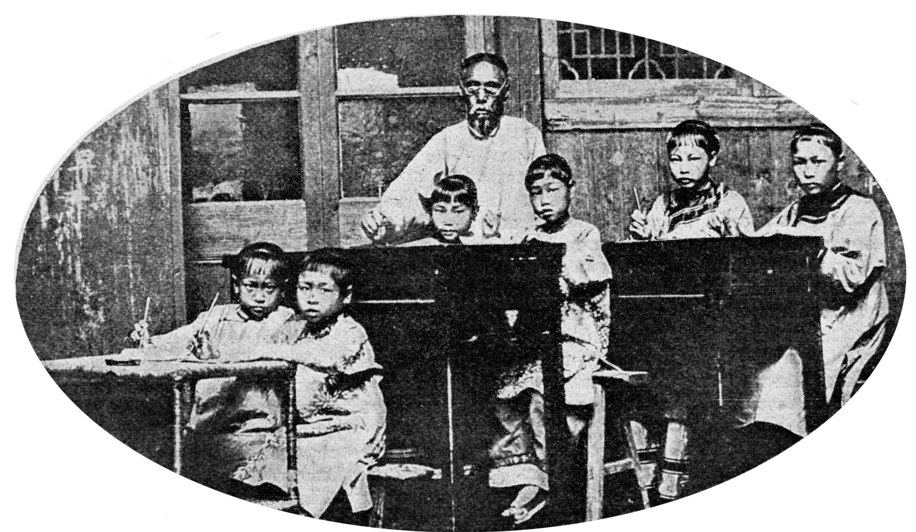
Наглядное обученіе счету до 6.

Наглядное обученіе счету отъ 10.

Сравнительная таблица арабскихъ и китайскихъ цифръ.

За урокомъ въ современной китайской школѣ.

Китайское правительство рѣшило принять общеупотребительныя арабскія цифры и ввести обученіе имъ въ школахъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ.

Для наглядности учителя прибѣгаютъ къ всевозможнымъ способамъ: показываютъ на пальцахъ, изображаютъ на доскѣ цифры соотвѣтствующимъ числомъ кружковъ или предметовъ. Также наглядно производятся дѣйствія надъ цифрами. Наконецъ составляются таблицы чиселъ до 100 въ разбивку. Арабскія цифры стоятъ рядомъ съ китайскими, и ученики скоро убѣждаются, насколько новый для нихъ способъ изображенія цифръ проще стариннаго китайскаго.

КИТАЙСКІЕ ВРАЧИ.

Очеркъ А. П.

Если какое-нибудь сословіе имѣетъ право требовать къ себѣ уваженія со стороны государства и своихъ согражданъ, то это *врачебное сословіе*; вѣдь его высокое призваніе состоитъ въ томъ, чтобы помогать страждущимъ, врачевать раны! Несмотря на это, оно еще очень часто не пользуется этимъ заслуженнымъ уваженіемъ. То же самое наблюдается и въ „Срединной имперіи", то-есть въ Китаѣ. Но здѣсь виновато въ этомъ больше всего само сословіе врачей. Хотя въ Китаѣ нельзя, какъ во многихъ штатахъ хваленой Америки, каждому подмастерью портного или сапожника разыгрывать доктора, если ему это нравится; здѣсь тотъ, кто желаетъ этого, долженъ предварительно въ теченіе извѣстнаго времени обучаться медицинѣ и сдать государственный экзаменъ. Тѣмъ не менѣе, какъ сказано, врачебное сословіе не пользуется уваженіемъ въ Небесной имперіи, отчасти потому, что научный багажъ его довольно незначителенъ и не способенъ внушить уваженія другимъ сословіямъ; отчасти же, и главнымъ образомъ, потому, что китайскіе врачи занимаются своимъ прекраснымъ искусствомъ, какъ ремесломъ. Они не только имѣютъ открытыя лавки, расположенныя въ нижнемъ этажѣ домовъ—многіе изъ нихъ торгуютъ даже въ деревянныхъ балаганахъ, — но нѣкоторые „доктора", способные на это, ведутъ себя, какъ площадные лѣкари въ средніе вѣка, громко расхваливая свое мнимое чудесное лѣченіе и лѣкарства и такимъ образомъ привлекая къ себѣ людей. Пріобрѣтеніе денегъ составляетъ главнѣйшее стремленіе и лозунгъ всѣхъ китайскихъ врачей; о своемъ искусствѣ и человѣчествѣ они не заботятся.

Въ этомъ злѣ виновно прежде всего число лѣкарей, превышающее потребность въ нихъ, а затѣмъ, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что доктора въ то же время и аптекари, то-есть сами приготовляютъ лѣкарства, которыя прописываютъ, и послѣднія оплачиваются обыкновенно лучше, чѣмъ поданный ими врачебный совѣтъ. Это заставляетъ китайскихъ докторовъ ради собственной выгоды прописывать какъ можно больше лѣкарствъ и употреблять для ихъ приготовленія очень дорогія снадобья (на которыхъ они зарабатываютъ больше, чѣмъ на дешевыхъ).

Чтобы защититься отъ этого грабительства, китаецъ, за рѣдкими исключеніями,

очень тугой на расплату и дрожащій надъ каждымъ грошомъ, торгуется съ докторомъ, къ которому онъ обратился за помощью въ цѣнѣ и сортахъ снадобій, потребныхъ для составленія лѣкарства (составныхъ частей лѣкарства). Онъ требуетъ менѣе дорогихъ, а нѣкоторыя проситъ ради экономіи совсѣмъ выбросить изъ рецепта. „Не бѣда,—замѣчаетъ онъ при этомъ наивно,—если лѣкарство поможетъ только наполовину". Послѣ продолжительнаго торга рецептъ, наконецъ, составляется, и лѣкарство изготовляется. Во время этого приготовленія лѣкарь поневолѣ дѣлаетъ послѣднюю уступку съ измѣнившейся цѣны лѣкарства и своего гонорара, чтобы паціентъ не убѣжалъ изъ лавки въ послѣднюю минуту и не обратился за помощью къ его конкуренту, такъ какъ китайскіе врачи сильно завидуютъ другъ другу.

Часто семья, въ которой случается заболѣваніе, сперва старательно обсуждаетъ, не лучше ли по причинѣ преклоннаго возраста паціента или его безнадежнаго положенія сберечь издержки на врача и лѣкарство и предоставить болѣзнь ея собственному теченію. Иногда и самъ больной совѣтуетъ поступить такимъ образомъ, а такъ какъ ему все равно придется когда-нибудь умереть, то на сбереженныя деньги купить ему лучше гробъ подороже. Врача отсылаютъ и зовутъ столяра. Послѣдній при жизни снимаетъ съ паціента мѣрку для гроба и нерѣдко у него на глазахъ изготовляетъ ему во дворѣ послѣднее жилище.

Почтовыя марки Китайской имперіи.

Филателическій очеркъ Г. Андреса.

Когда въ „Поднебесной имперіи" подъ грохотъ пушекъ и ружей, среди потоковъ братской крови, пала древняя дайцинская династія и управленіе страной перешло къ новому республиканскому правительству, однимъ изъ первыхъ шаговъ его было издать вмѣсто изъятыхъ имъ изъ обращенія почтовыхъ марокъ Китайской имперіи новыя марки китайской республики.

Съ этого времени марки Китайской имперіи, составляющія, благодаря своему оригинальному рисунку, лучшее украшеніе филателическихъ альбомовъ, стали достояніемъ исключительно коллекціонеровъ. Но для широкой публики особеннаго вниманія эти марки заслуживаютъ потому, что исторія ихъ постепеннаго развитія есть въ то же время и исторія развитія почтоваго дѣла, одной изъ важнѣйшихъ функцій культурнаго государства, въ Китайской имперіи

Китай, какъ извѣстно, въ средніе вѣка стоялъ по своей культурѣ на высокой степени развитія: его успѣхи въ области земледѣлія, ремеслахъ и торговлѣ и пришедшіе теперь въ глубокій упадокъ каналы и дороги вызывали величайшее удивленіе европейскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ тогда эту малоизвѣстную страну. Китай уже и тогда пользовался многими благами цивилизаціи, между прочимъ, и довольно правильно организованной почтой, развитію и процвѣтанію которой особенно благопріятствовали его прекрасные, по тому времени, пути сообщенія.

Рис. 1.

Рис. 2.

Венеціанецъ Марко Поло, первый изъ европейцевъ въ 1271 году посѣтившій „Страну четырехъ морей" (одно изъ названій Китая), уже отмѣчаетъ интенсивно-развитыя почтовыя сношенія китайцевъ.

Благодаря крайней консервативности послѣднихъ, та самая почта, какая существовала въ Китаѣ еще во времена Марко Поло, сохранилась тамъ въ полной неприкосновенности почти до нашихъ дней.

Правительство довольствовалось курьерской службой гонцовъ, служившихъ исключительно государственнымъ нуждамъ; для средняго и мелкаго чиновничества и людей, близко къ нему стоявшихъ, существовала такъ называемая „всеобщая почта"; наконецъ появившіяся въ началѣ прошлаго столѣтія частныя компаніи за приличное вознагражденіе доставляли по назначенному адресу корреспонденцію самыхъ широкихъ слоевъ населенія.

Рис. 3.

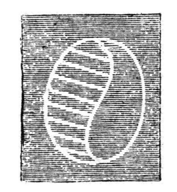

Рис. 4.

При этомъ замѣчательно, что нѣкоторыя изъ такихъ компаній задолго до изобрѣтенія почтовыхъ знаковъ въ Европѣ уже пользовались для оплаты корреспонденціи настоящими почтовыми марками. Онѣ представляли изъ себя небольшой кусочекъ разноцвѣтной бумаги точно опредѣленнаго для каждаго рода отправленій образца; публикѣ онѣ не продавались, а прямо клеились служащимъ, принявшимъ письмо, на конвертъ въ знакъ того, что плата за пересылку получена.

Только много лѣтъ спустя появилось нѣчто въ родѣ такой почты, а именно: въ 70 годахъ, когда, послѣ несчастной для Китая войны съ европейцами, онъ былъ принужденъ открыть нѣсколько своихъ гаваней для внѣшней торговли и допустить въ страну европейцевъ, была учреждена такъ называемая „императорская почта морскихъ таможенъ", служившая первоначально интересамъ послѣднихъ.

Въ виду ея благоустроенности жившіе въ Китаѣ иностранцы, главный контингентъ ко-

Рис. 5.

Рис. 6.

торыхъ составляли торговцы и христіанскіе миссіонеры, весьма охотно пользовались ея услугами, и поэтому уже въ 1875 году для нея была издана опредѣленная такса, а еще черезъ три года было объявлено, что она принимаетъ отправку всякаго рода корреспонденціи какъ внутри страны, такъ и внѣ ея и что для нея издаются спеціальныя почтовыя марки въ 1 кандаринъ зеленаго, въ три краснаго и пять желтаго цвѣта (100 кандариновъ = 1 таэль; около рубля).

Марки этого перваго выпуска по своему рисунку (см. рис. № 1) напоминаютъ первыя частныя марки города Шанхая (рис. № 2). На нихъ изображенъ причудливо свернувшійся драконъ, символизирующій государственное могущество Китая на землѣ и подъ землей; китайскія надписи, идущія по краямъ марки, значатъ: „Великій Китай. Императорское почтовое управленіе. Дѣйствительна на 1 (3,5) частей".

Рис. 7.

Рис. 8.

Съ улучшеніемъ организаціи почтоваго дѣла, съ ростомъ торговли и промышленности, съ увеличеніемъ числа иммигрировавшихъ въ Китай иностранцевъ, значительно усилились и почтовыя сношенія этой страны. Съ каждымъ годомъ требовалось все большее и большее количество почтовыхъ марокъ и вотъ управленіе почтами, надѣясь удешевить стоимость изготовленія марокъ, прибѣгло къ довольно курьезной на современный взглядъ мѣрѣ, именно рѣшило издать ихъ нѣсколько меньшей величины; въ 1886 году, когда всѣ запасы были распроданы, появились уже новыя марки, такого же рисунка, какъ предыдущія, но въ меньшемъ форматѣ (рис. № 3), напечатанныя теперь на бумагѣ съ водянымъ знакомъ. Съ тѣхъ поръ вплоть до 1898 года этотъ водяной знакъ регулярно появляется на всѣхъ почтовыхъ маркахъ Китайской имперіи. Онъ (рис. № 4) овальной формы; своими характерными извилинами онъ символизируетъ первоначальную форму бытія—хаосъ, изъ котораго создалась вселенная.

16 лѣтъ подъ рядъ довольствовался Китай тремя описанными марками. Но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе все возраставшаго числа денежной и заказной корреспонденціи, обходиться только ими стало затруднительно и поэтому 17 ноября 1894 года была издана новая серія, состоящая уже изъ девяти различныхъ марокъ: въ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 12 и 24 кандариновъ. На маркѣ въ одинъ кандаринъ (рис. 5) изображены два концентрическихъ круга, раздѣленные прямыми линіями на нѣсколько частей, которые, какъ и рисунокъ водяного знака этихъ марокъ, является символомъ безконечнаго хаоса. Марки въ 2, 3, 4 и 6 кандариновъ снова украшены изображеніемъ дракона (рис. 6), а марка въ пять кандар.—плавающей рыбы (рис. 7).

Марки высшихъ стоимостей нѣсколько большей величины; на двухъ изъ нихъ (въ 9 и 12 кандариновъ) опять воспроизведено символическое изображеніе хаоса (рис. 8), а на самой дорогой маркѣ изображена китайская лодка-джонка подъ распущенными парусами.

Въ 1897 году такъ называемая „императорская почта морскихъ таможенъ", но въ дѣйствительности ставшая общегосударственной почтой всего Китая, была переименована въ „императорскую китайскую почту".

Чтобы сдѣлать ее доступной самымъ широкимъ массамъ населенія, для нея была узаконена новая дешевая такса въ гонгъ-конгскомъ долларѣ (гонгъ-конгскій долларъ равенъ 100 центамъ, около рубля на наши деньги), сильно распространившемся къ этому времени въ Китаѣ, а для облегченія исчисленія стоимости марокъ въ этой монетѣ, всѣ нераспроданныя марки выпусковъ 1885 и 1894 гг. получили надпечатки въ центахъ. При этомъ, кромѣ того, на каждой провизоріи (провизорія — марка съ надпечатками) (см. рис. 9 и 10) было напечатано китайскими буквами, что она вполнѣ дѣйствительна для оплаты корреспонденціи.

Почти одновременно съ этими марками была перепечатана и красная гербовая марка въ три цента, приготовленная спеціально для нуждъ морскихъ таможенъ. Изъ нея получили провизоріи въ одинъ, два и четыре цента и въ одинъ и пять долларовъ.

Марки 1885 и 1894 гг. были обращены въ восемь провизорій въ 1/2, 1, 2, 4, 5, 8, 10 и 30 центовъ, извѣстныхъ трехъ различныхъ

Рис. 9.

Рис. 10.

типовъ, отличающихся одинъ отъ другого величиной надпечатанныхъ цифръ и появившихся такимъ образомъ. При надпечаткахъ для обозначенія новой стоимости марки употреблялись первоначально тонкія цыфры (типъ 1-й), но такъ какъ цифры-то и должны лучше всего выдѣляться, то и стали пользоваться болѣе жирными цифрами (типъ 2-й), а затѣмъ немного уменьшили и сблизили надпечатку съ цифрой (типъ 3-й). Слѣдуетъ замѣтить, что на маркахъ выпуска 1885 года офиціальнаго происхожденія только надпечатки перваго типа.

Рѣдкой маркой этого выпуска является марка 1-го типа въ четыре цента на гербовой въ три цента, употреблявшаяся лишь въ Тіентзинѣ въ количествѣ, не превышающемъ пару сотенъ штукъ. Другая еще болѣе рѣдкая марка—это въ пять долларовъ, опять на гербовой въ 3 цента, изданная исключительно для только тогда введенныхъ въ Китаѣ во всеобщее употребленіе почтовыхъ переводовъ, на которыхъ чиновники переводимую сумму клеили почтовыми марками. При спѣшномъ приготовленіи послѣднихъ получилась и опечатка: надпечатка оказалась переверну-

Рис. 11.

Рис. 12.

той. Существуетъ еще и нѣсколько другихъ менѣе интересныхъ для большинства филателистовъ опечатокъ и неправильностей на этихъ провизорическихъ маркахъ.

Съ изданіемъ описанныхъ провизорій Китай въ области почтоваго дѣла началъ проявлять энергичную дѣятельность и послѣ крупныхъ внутреннихъ реформъ: уничтоженія частныхъ почтовыхъ компаній, конкурировавшихъ съ государственной почтой, и значительнаго удешевленія внутренняго тарифа, онъ изъявилъ согласіе на вступленіе во всемірный почтовый союзъ.

Когда провизорическія марки были распроданы, появилась новая серія, украшенная весьма оригинальными и въ высшей степени художественно выполненными рисунками. Эта серія состоитъ изъ 12 марокъ, отъ $^1/_2$ цента до 5 долларовъ включительно, одинаковой величины, но трехъ различныхъ образцовъ: на низшихъ стоимостяхъ отъ $^1/_2$ до 10 центовъ изображенъ драконъ (рис. 10 и 12), символъ могущества Китая на землѣ; на маркахъ въ 20, 30 и 50 центовъ (рис. 13) изображены два карпа, которые являются символомъ могущества на водѣ; наконецъ, марки въ одинъ,

Рис. 13.

Рис. 14.

два и пять долларовъ съ летящей птицей въ серединѣ (рис. 14) символизируютъ могущество Китая въ воздухѣ.

Рис. 15.

Въ теченіе 1907—1910 гг. были измѣнены цвѣта марокъ въ 2, 4 и 10 центовъ и выпущены марки новыхъ достоинствъ въ 3, 7 и 16 центовъ. Наконецъ, въ 1909 году, въ память вступленія на престолъ новаго императора, появилась особая серія изъ трехъ различныхъ марокъ въ два, три и семь центовъ (рис. 15) съ изображеніемъ большого храма неба въ Пекинѣ.

Таковы почтовыя марки Китайской имперіи. Мы видимъ, что онѣ все время обнаруживали тенденцію къ улучшенію съ художественной стороны. Марки, первоначально мало удовлетворяющія нашъ эстетическій вкусъ, постепенно замѣнялись болѣе интересными и оригинальными, а послѣдняя серія уже не оставляетъ желать въ этомъ отношеніи ничего лучшаго.

Надо думать, что и всѣ почтовыя марки Китайской республики ни по красотѣ, ни по изяществу своего рисунка не уступятъ маркамъ Китайской имперіи.

Китайскій „праздникъ всѣхъ звѣрей" въ Мукденѣ.

Очеркъ П. Чечина.

Ежегодно съ 1 по 3 февраля въ Мукденѣ происходитъ очень оживленный китайскій „праздникъ всѣхъ звѣрей", привлекающій сюда изъ близкихъ къ Мукдену китайскихъ городовъ и селеній многіе десятки тысячъ людей.

Начинается „праздникъ всѣхъ звѣрей" торжественной службой въ мукденской буддійской кумирнѣ, куда въ этотъ день съ самаго ранняго утра тянутся большія толпы празднично разодѣтаго народа.

Особенно красиво одѣваются въ день праздника всѣхъ звѣрей китайскія дѣвушки, мечтающія своей привлекательной наружностью обратить на себя вниманіе богатыхъ молодыхъ китайцевъ и подыскать среди нихъ подходящаго для себя жениха. Дѣвицъ-маньчжурокъ легко отличить отъ замужнихъ по ихъ громаднымъ прическамъ, украшеннымъ блестящими золотыми и серебряными шпильками. Со времени же послѣдней китайской революціи многія дѣвицы стали украшать свою голову быстро вошедшей въ моду „прической революціи", состоящей изъ бѣлыхъ искусственныхъ розъ.

Къ полудню, какъ сама кумирня, такъ равно и ея дворъ и прилегающая къ кумирнѣ громадная площадь запружены народомъ.

Послѣ окончанія въ кумирнѣ богослуженія при своеобразномъ звонѣ въ колокола изъ нея черезъ главныя ворота на площадь медленно выходитъ многолюдная процессія.

Впереди процессіи нѣсколько громадныхъ красныхъ флаговъ съ монгольскими іероглифами.

Затѣмъ въ два ряда шествуютъ музыканты съ барабанами, чангами, мѣдными тазами, различными оригинальными трубами, флейтами, раковинами и т. п.

За музыкантами слѣдуютъ ламы въ желтомъ священномъ облаченіи.

Вслѣдъ за ламами важно ступаетъ глава буддійскаго духовенства въ Маньчжуріи Инда-Лама. Онъ высокаго роста, съ краснымъ, совсѣмъ не китайскимъ лицомъ и большими черными усами.

Надо замѣтить, что Инда-Лама играетъ сейчасъ очень важную роль въ Маньчжуріи. Во время же царствованія послѣдней китайской императорской династіи онъ былъ при пекинскомъ дворцѣ и занималъ тамъ постъ, равный должности самаго мукденскаго генералъ-губернатора. Не такъ давно президентъ китайской республики Юаньшикай призывалъ къ себѣ въ Пекинъ Инду-Ламу и просилъ его содѣйствія къ убѣжденію ламъ отложившейся отъ Китая Сѣверной Монголіи перейти на сторону Китайской Республики.

Вслѣдъ за Индой-Ламой слѣдуетъ священная колесница съ огромной статуей Будды.

Процессію замыкаютъ ламы въ бѣломъ одѣяніи, съ бѣлыми перчатками, бѣлыми носками и съ масками, изображающими головы всевозможныхъ звѣрей и чудовищъ.

Чего, чего здѣсь только нѣтъ!

Здѣсь собаки, свиньи, лошади, коровы, олени, рыбы, змѣи, черепахи, черти, драконы...

Достигнувъ середины площади, процессія останавливается. И тогда ламы въ маскахъ, подъ звуки адски раздирающей уши музыки, начинаютъ исполнять свой танецъ звѣрей.

Долго продолжается этотъ танецъ. Когда же онъ окончится, процессія медленно обойдетъ вокругъ всей площади и возвратится въ кумирню.

Этимъ и заканчивается праздникъ.

По словамъ мукденскихъ китайцевъ, праздникъ всѣхъ звѣрей установленъ въ честь преданія, по которому Будда, спустившись, во времена оны, на землю, открылъ ворота ада и выпустилъ изъ него на волю всѣхъ животныхъ, которыхъ до того времени на землѣ еще не было.

Животныя сильно благодарили Будду и были такъ рады, что танцовали подъ рядъ три дня и три ночи.

Это-то и послужило къ установленію въ Мукденѣ праздника всѣхъ звѣрей, существующему здѣсь многія столѣтія.

Китайцы, культивирующіе бактеріи.

Въ Китаѣ встрѣчается часто сильно распространенное красящее вещество ангъхакъ, которое китайцы тщательно культивируютъ и затѣмъ ввозятъ на Яву и Зондскіе острова.

Вещество это употребляется для подкраски пищевыхъ продуктовъ, которымъ оно придаетъ великолѣпный красный цвѣтъ. Долгое время не знали, что это за вещество и какъ они его культивируютъ, но недавно былъ обнаруженъ своеобразный способъ культуры этого вещества. Оказывается, что это не что иное, какъ легко размножающіяся на всѣхъ крахмальныхъ веществахъ бактеріи, которыя систематически культивируются въ Кантонской провинціи на размолотомъ, вареномъ рисѣ.

Къ свѣже-приготовленному рису прибавляется немного прежней культуры и по прошествіи шести дней въ немъ размножается безчисленное множество красящихъ бактерій. Размноженіе ихъ лучше всего происходитъ въ темномъ, прохладномъ помѣщеніи, при изобильномъ доступѣ воздуха. По этой причинѣ рисовая каша раскладывается самымъ тонкимъ слоемъ по тарелкамъ. Иногда случается, что вмѣсто красящихъ бактерій появляются совершенно иныя, вовсе не желательныя для промышленниковъ. Тогда, съ цѣлью избавиться отъ послѣднихъ, китайцы подсыпаютъ въ рисовую кашу немного мышьяка, убивающаго вредныхъ бактерій, но не имѣющаго, повидимому, никакого вліянія на красящихъ бактерій.

Промышленность производства этого красящаго вещества существуетъ въ Китаѣ уже очень давно.

Такимъ образомъ китайцы первые примѣнили культуру бактерій, которая считается достояніемъ нашего времени, для промышленныхъ цѣлей и въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, предупредили насъ на нѣсколько столѣтій.

На способъ культуры красящихъ бактерій они наткнулись, конечно, совершенно практически, не отдавая себѣ отчета о дѣйствительномъ значеніи этой культуры. н. з.

КИТАЙСКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ.

Принявшему вполнѣ европейскій государственный строй и теперь уже имѣющему свой парламентъ Китаю пришлось озаботиться устройствомъ помѣщенія для представителей народа.

Китайскій парламентъ находится въ восточной части Пекина, въ Татарскомъ кварталѣ. Зданіе выстроено въ европейскомъ стилѣ, или скорѣе безъ всякаго стиля. Надъ входомъ родъ маркизы изъ цыновокъ, защищающій часовыхъ.

Залъ парламента уставленъ сотнями маленькихъ столиковъ, расположенныхъ полукругомъ противъ трибуны предсѣдателя, убранной двумя знаменами новаго образца.

Предсѣдатель палаты депутатовъ У-Чингъ-Сіенъ еще молодой человѣкъ, очень опредѣленнаго китайскаго типа. Во время рѣчи онъ держитъ себя непринужденно, въ своемъ свѣтломъ костюмѣ европейскаго покроя.

Товарищъ предсѣдателя—Х. Л. Танъ старше его и одѣвается тоже по-европейски, но ни на одномъ европейскомъ языкѣ не говоритъ.

Президентъ китайской республики, юанъ-ши-кай, человѣкъ пожилой, съ тонкими, умными, симпатичными чертами лица. Онъ одѣвается по-европейски, въ мундиръ цвѣта хаки съ эполетами.

Его ближайшіе помощники личности незаурядныя. Предсѣдатель совѣта министровъ Тонгъ-Шоа-Ии очень умный, интеллигентный, образованный человѣкъ. Видныя фигуры представляютъ изъ себя — Хесунъ-Си-Лингъ, несущій трудную обязанность министра финансовъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ Чао-Пингъ-Тіунъ.

Министръ финансовъ Хеіунъ Си-Лингъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Чао-Пингъ-Тіунъ.

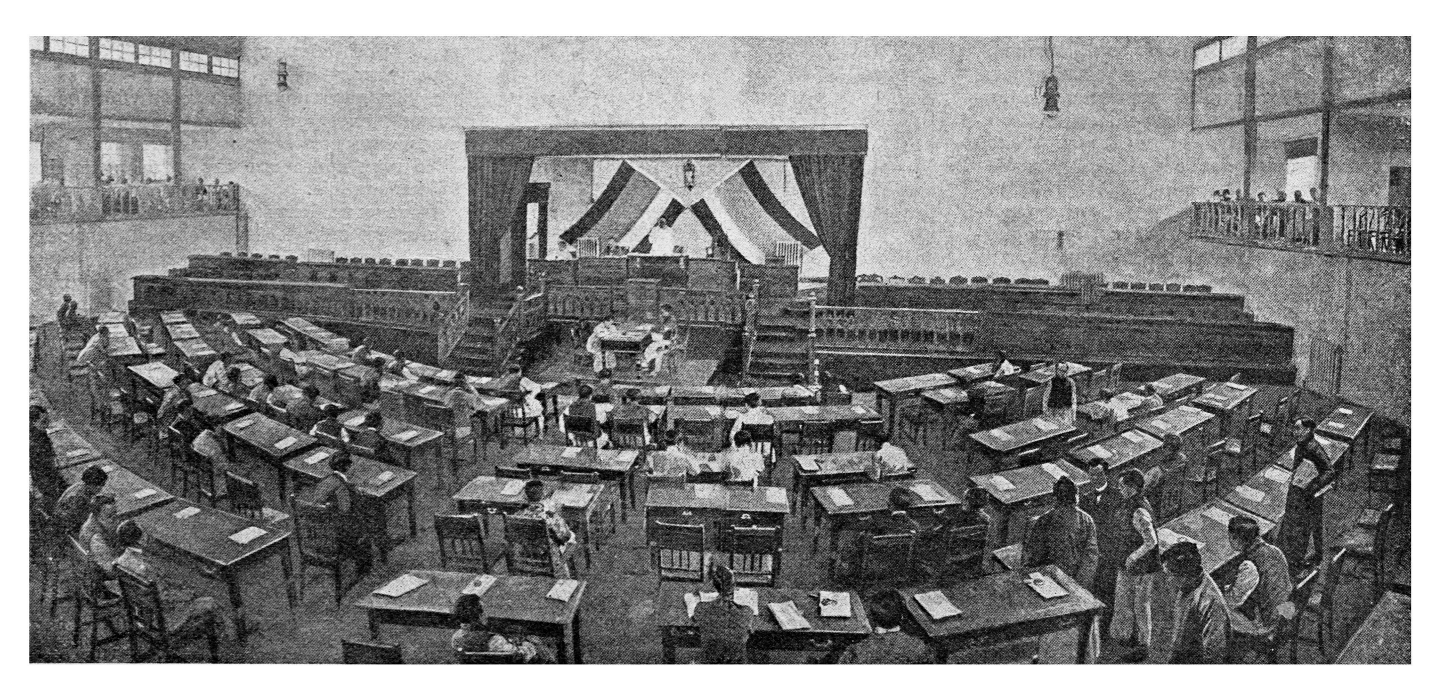
Юанъ-ши-кай, президентъ китайской республики.

Предсѣдатель палаты депутатовъ У-Чингъ-Сіенъ.

Товарищъ предсѣдатель палаты Х. Л. Танъ.

Залъ китайскаго парламента въ Пекинѣ.

○ ○ ○ Героиня процесса „Ожерелье королевы". ○ ○ ○

Очеркъ Я. Берлина.

Наши газеты вновь вспомнили послѣднее время печальную героиню веселаго XVIII вѣка, носившую королевскую лилію Бурбоновъ въ своемъ гербѣ и каторжное клеймо на своей груди, — Жанну де-Ламотъ Валуа; ученымъ изыскателямъ удалось, повидимому, установить, что послѣ мнимой своей смерти въ Лондонѣ эта титулованная авантюристка еще долго здравствовала въ заброшенномъ уголкѣ Крыма, гдѣ въ настоящее время и производятся розыски ея гробницы.

Легкомысленное и ласковое галантное общество XVIII вѣка взлелѣяло въ средѣ своей много подобныхъ авантюристовъ — и отъ всей ихъ массы Жанна Валуа отличалась, быть-можетъ, только тѣмъ, что не была повинна въ самозванствѣ, да выказывала больше дерзости въ достиженіи своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Въ остальномъ же вся жизнь ея прошла обычной капризной тропой авантюризма, давшей ей узнать самую горькую нищету и всю безумную роскошь того вѣка, заставившей ее побывать и въ трущобахъ и дворцахъ, въ монастырскомъ дортуарѣ и въ тюремномъ казематѣ.

Вотъ она восьмилѣтней дѣвочкой, одѣтая въ жалкіе лохмотья, проситъ подаянія на улицахъ Парижа, называя себя „сироткой королевской крови". Иные прохожіе возмущаются такимъ дерзкимъ самозванствомъ побирушки,—но Жанна въ правѣ себя такъ называть: по отцу она прямой отпрыскъ королевскаго дома Бурбоновъ. Какая-то маркиза, сжалившись надъ этой странной нищенкой, беретъ ее къ себѣ. Она опредѣляетъ ее ученицей въ модную мастерскую, а потомъ, пользуясь связями, умѣетъ выхлопотать ей небольшую пенсію. Послѣ этого Жанна изъ общества швеекъ попадаетъ въ среду „благородныхъ дѣвицъ", въ монастырь, куда не принимаютъ иныхъ воспитанницъ, кромѣ какъ изъ титулованныхъ семействъ.

Честолюбивые помыслы, не оставлявшіе Жанну и тогда, когда она мерзла въ своихъ нищенскихъ лохмотьяхъ на улицахъ Парижа, крѣпнутъ здѣсь. Тотъ вѣкъ бредитъ роскошью — и Жанна только о томъ и думаетъ, чтобы достичь жизни, достойной „отпрыска королевскаго дома", какъ она горделиво любитъ себя величать.

Годы проходятъ, но судьба не улыбается ей. Ея мужъ, мелкій провинціальный дворянинъ, незаконно присвоившій себѣ титулъ графа, раздѣляя ея страсть къ роскошной жизни, раздѣляетъ, однако, и ея бѣдность. И Жанна старается укрѣпить связи съ высокимъ обществомъ и получить тамъ милости. Въ тотъ вѣкъ и въ томъ кругу такой путь хорошо всѣмъ извѣстенъ.

Но связи найти нелегко. И Жаннѣ приходится довольствоваться подачками покровителей. Она живетъ впроголодь, лишь кой-когда обѣдая въ жалкихъ тавернахъ, но домъ свой устраиваетъ хорошо, имѣя громадный штатъ слугъ и приближенныхъ. Въ тотъ вѣкъ, впрочемъ, это было нерѣдкостью: слуги отличались тогда своей безкорыстной преданностью и не оставляли своихъ баръ и тогда, когда даже друзья покидали ихъ.

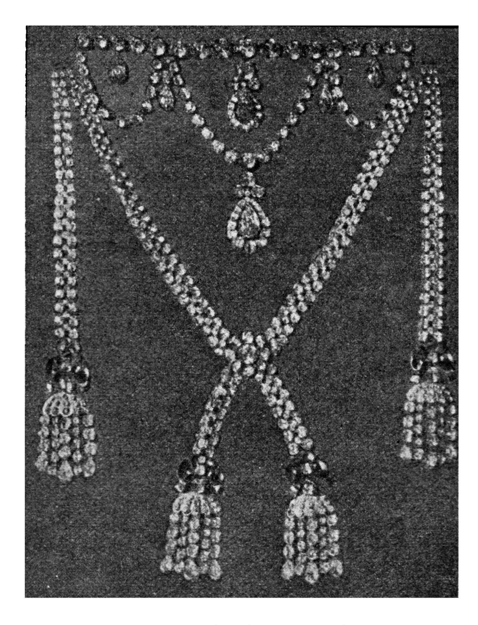
Среди всѣхъ этихъ неудачъ и невзгодъ у Жанны созрѣваетъ новый планъ. Она принята въ домѣ кардинала де-Рогана, широко живущаго вельможи. Онъ не разъ уже ссужалъ ее незначительными суммами, внимая ея просьбамъ о поддержкѣ. Но вотъ однажды она является къ нему съ таинственнымъ видомъ и заявляетъ, что пришла она не по своему дѣлу. Она знаетъ, что кардиналъ находится въ опалѣ у королевы, и она хочетъ быть посредницей въ ихъ примиреніи. Она думаетъ, что этого нетрудно будетъ достичь, пусть только кардиналъ пишетъ письмо.

Де-Роганъ—умный человѣкъ, но онъ давно ищетъ благоволенія королевы и теперь готовъ вѣрить всему, что хитро плететъ ему Жанна. Ея замыселъ постепенно осуществляется. Она передаетъ кардиналу нѣсколько поддѣланныхъ писемъ королевы; потомъ, переодѣвъ двойницу королевы, она устраиваетъ де-Рогану якобы личный пріемъ въ дворцовомъ саду.

Жанна де-Ламотъ Валуа.

Въ то же время, по подложнымъ запискамъ, кардиналъ передаетъ Жаннѣ, будто бы во исполненіе желанія королевы, значительныя суммы на поддержаніе „благороднаго семейства". И наконецъ дѣло доходитъ до знаменитаго ожерелья.

Ожерелье королевы.

Это ожерелье придворные ювелиры составляли въ теченіе многихъ лѣтъ, собирая для него отборные брилліанты по всей Европѣ. Они надѣялись угодить этимъ сокровищемъ королевскому вкусу, а кстати и нажиться на немъ. Ожерелье стоило неслыханныхъ денегъ, но ювелиры не боялись, что сумма эта покажется чрезмѣрной. Ибо всей Европѣ была тогда извѣстна роскошь Версаля, гдѣ на одинъ столъ ежегодно тратилось около 4 милліоновъ ливровъ: не даромъ же депутаты Генеральныхъ Штатовъ при посѣщеніи Тріанонскаго дворца просили показать имъ комнату, гдѣ стѣны выложены брилліантами.

Однако расчеты ювелировъ не оправдались. Королева отказалась пріобрѣсти ожерелье, не соглашаясь тратить на него такія деньги. Ювелиры попали въ бѣду. Ихъ труды грозили пропасть даромъ, а кромѣ того, ихъ тѣснилъ кредиторъ, ссудившій ихъ необходимой суммой для пріобрѣтенія брилліантовъ.

Но тутъ является на сцену Жанна. Она передаетъ де-Рогану, что королева будто желаетъ пріобрѣсти колье, но при условіи, чтобы уплатить его цѣну частями. Ювелиръ соглашается. Онъ пишетъ условіе, передавая его де-Рогану,—и Жанна приноситъ его черезъ нѣсколько дней обратно, закрѣпленнымъ подписями Маріи Антуанетты, разумѣется, подложными.

Жанна, успѣшно разыгравъ до конца свою роль, оказывается обладательницей безцѣннаго ожерелья. Де-Ламоттъ, мужъ Жанны, продаетъ главную часть брилліантовъ лондонскимъ ювелирамъ—и возвращается въ Парижъ богачомъ.

Теперь Жанна можетъ осуществить свои давніе честолюбивые помыслы. Какъ изъ-подъ земли являются вдругъ кареты, драгоцѣнная мебель, роскошные туалеты. И Жанна, оставивъ Парижъ, въѣзжаетъ настоящей владѣтельной особой въ свой родной городъ Баръ-сюръ-объ. Тамъ жизнь проходитъ въ безпрерывныхъ пиршествахъ и празднествахъ, въ свѣтскихъ развлеченіяхъ и гуляніяхъ.

Но нужно ли говорить, что этой пышной жизни сужденъ короткій срокъ? Наступаетъ время платежа, ювелиры начинаютъ проявлять безпокойство — и подлогъ обнаруживается. Ищутъ виновниковъ—и прежде всего видятъ его въ кардиналѣ де-Роганѣ, который велъ всѣ переговоры съ ювелирами. По королевскому указу его заключаютъ въ Бастилію. Вслѣдъ за нимъ арестовываютъ Жанну и рядъ другихъ подозрѣваемыхъ въ соучастіи лицъ,—между ними и знаменитаго въ тѣ дни авантюриста Каліостро, мага и волшебника.

Жанна пытается свалить всю вину на другихъ, — обвиняя сначала де-Рогана, потомъ Каліостро. Но на судѣ вся исторія становится ясной. Процессъ тянется почти цѣлый годъ, имъ интересуется вся Европа, парижане же живутъ имъ. Брошюрки, листовки, памфлеты, посвященные процессу ожерелья, выходятъ массами и тутъ же жадно расхватываются.

Наконецъ судъ произноситъ свой приговоръ. Всѣ обвиняемые, кромѣ Жанны и ея скрывшагося мужа, признаются оправданными. Жанна присуждена къ публичному наказанію плетьми, клейменію желѣзомъ и пожизненному тюремному заключенію. 21-го іюня 1786 года приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Однако въ тюрьмѣ Жанна оставалась недолго. Въ слѣдующемъ году ей удалось бѣжать оттуда и скрыться въ Лондонъ. Изъ Лондона пришла вскорѣ вѣсть, будто она погибла, выбросившись изъ окна. Но, повидимому, Жанна хотѣла лишь скрыть свои слѣды, направляясь изъ Англіи въ Россію. Она прибыла въ Петербургъ подъ именемъ графини де-Гашетъ, откуда въ царствованіе Александра уѣхала въ Крымъ. Здѣсь, въ глухомъ мѣстечкѣ близъ Ѳеодосіи, Жанна де-Валуа провела остатокъ своихъ дней, ведя крайне уединенный образъ жизни и не мало возбуждая любопытство окружающихъ.

Во Франціи же имя Жанны было скорѣе забыто, чѣмъ самъ процессъ „ожерелье королевы". Онъ глубоко взволновалъ умы, — такъ что Мирабо былъ въ правѣ, воскликнувъ: „Процессъ ожерелья былъ прелюдіей великой революціи".

Редакторъ Вл. А. Поповъ.

10. Гимнастическая зала XX столѣтія.

житъ набросокъ 9, гдѣ курильщика, превратившагося въ скелетъ, окружаетъ семья, проливающая горькія слезы.

Иногда сюжеты затрагиваютъ и политику, но съ большою осторожностью по причинѣ цензурныхъ строгостей. На рис. 10, представляющемъ „Гимнастическую залу двадцатаго столѣтія", изображены различныя державы. „Китай,—говорится въ пояснительномъ текстѣ,—представленъ въ видѣ воздушнаго шара; никто не знаетъ, въ чьи руки онъ упадетъ. Пусть наши соотечественники учредятъ конституціонный режимъ, протягивая руки, чтобы вернуть свою верховную власть".

Но пресса не пользуется свободой слова и мститъ за это, показывая съ помощью карикатуры неудобство такого реакціоннаго режима (рис. 11). Въ то время какъ чиновники зажимаютъ ротъ газетамъ, Японія отнимаетъ Манчжурію и другія части китайской территоріи, восклицая: „Вотъ что облегчаетъ мою работу". А. П.

11. Сатирическій рисунокъ.

Афоризмы философа Лао-Си.

Когда въ государствѣ много законовъ и постановленій, то число преступниковъ увеличивается.

—

Войско не можетъ быть орудіемъ для истинно мудрыхъ. Отсюда оно и употребляется только въ неизбѣжныхъ случаяхъ.

—

Хотя война ставитъ, быть-можетъ, цѣлью спокойствіе, но она несомнѣнно зло.

—

Когда война окончится побѣдой, слѣдуетъ объявить всеобщій трауръ.

—

Высшая добродѣтель похожа на воду.

Вода, давая всѣмъ существамъ обильную пользу, не сопротивляется ничему.

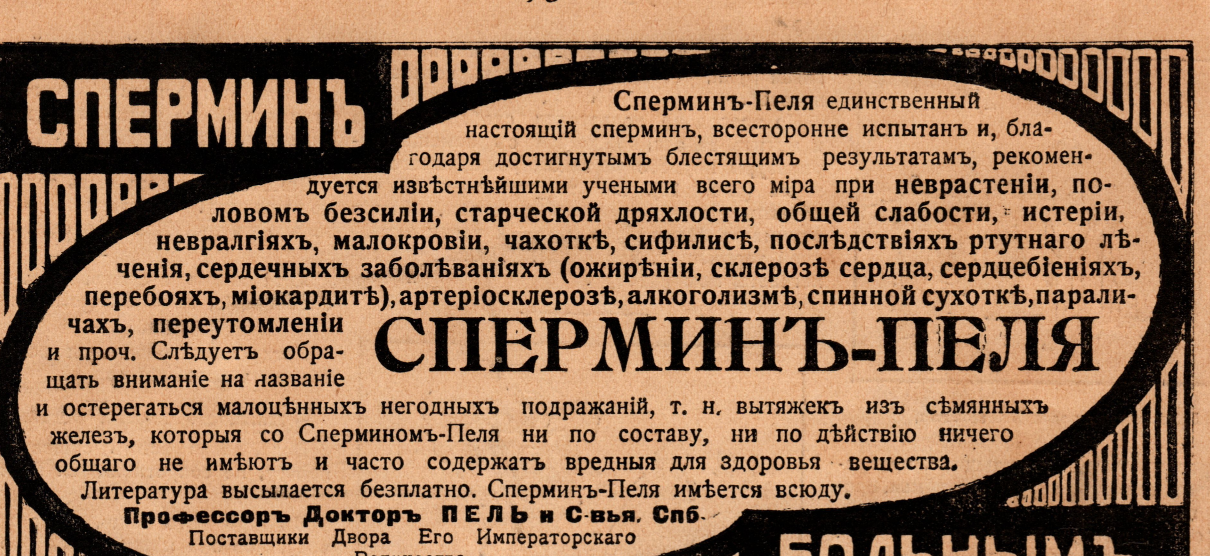
—

Въ мірѣ нѣтъ вещи, которая побѣдила бы воду, ибо она нѣжнѣе и слабѣе всѣхъ вещей.

—

Причина того, что рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ (по которымъ текутъ рѣчки) заключается въ томъ, что первыя находятся ниже послѣднихъ. А. Г.

ПОДПИСКА на журналъ „Вокругъ Свѣта" принимается въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина: Невскій, 63 и Б. Садовая, 25.

810

1-е заоч. уроки игры вы ылаю БЕЗПЛАТНО. **ГИТАРА** Тюмень, 11. Тобол. губ. АФРОМѢЕВУ.

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ
Москва, Н. Басманная, д. 14.
для страдающихъ **ЗАИКАНІЕМЪ**
При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ. — ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ. — Условія лѣченія высыл. безплатно. 602

ПИВО
въ сухомъ видѣ. Новость въ Россіи. 100 бут. 3 руб., 50 бут. 2 руб., 25 бут. 1 р. 35 к. Патентъ и привилегія на всю Россію за № 57.284. Много благодарныхъ отзывовъ. Г. Переславль-Залѣсскій, заводъ Ник. Ник. Глухарева.

ОРУЖЕЙНАЯ
ФАБРИКА въ Ижевскомъ заводѣ, Вятской губ.
А. Н. ЕВДОКИМОВА.
вырабатываетъ ружья шомпол. и централ. отъ 3 до 500 р.
Въ огромномъ выборѣ центральныя ружья и револьверы, лучшихъ заграничн. заводовъ
Ремонтъ и передѣлка всѣхъ системъ ружей.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

За 95 к. въ восторгъ приводитъ новая домашняя волшебная книжка.

По этой книжкѣ кажд. можетъ угадыв. чужія мысли, вызыв. привидѣнія, узнать, кто кого любитъ, какъ кого звать. Превратить змѣю въ палку, а воду въ вино. Таинства и секреты магіи открыты наконецъ. Завѣса пала и теперь можно брать раскаленное желѣзо голыми руками, воткнуть гвоздь въ языкъ, пронзить себя насквозь шпагой, показать отрѣзанную говорящую голову и сдѣлать себя неуязвимымъ. Искусство дѣлать деньги изъ воды. Наполнить мгновенно квартиру водой или туманомъ и масса другихъ поразит. фокусовъ. Во время исполн. фокусовъ каждый домъ можно превратить въ заколдован. замокъ. Цѣна 95 к. Высыл. налож. плат.; за пересылку и налож. плат. присчитыв. еще 25 к. Остерегайтесь поддѣл. Новѣйш. издан., много дополнен. 272 стр. и множ. рис. Адресъ:
Т-во „ЗАРЯ", Варшава, отд. 54. 828

• ДѢТИ • ДѢТИ • ДѢТИ • ДѢТИ •

ДѢТСКОЕ НЕЙТРАЛЬНОЕ ОЛИВКОВОЕ МЫЛО.

Приготовлено въ Лабораторіи **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Нейтральное мыло, не содержащее въ себѣ эѳирныхъ маслъ. — Рекомендуется также какъ туалетное мыло для ежедневнаго употребленія.

Цѣна 25 коп., съ пересылкой 3 куска **1 руб. 30 коп.**

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на фотографическій снимокъ, на которомъ изображены 3 мальчика и 1 дѣвочка, внизу напечатано бѣлымъ **А. Энглундъ**, на оборотѣ куска марка **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи**. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ — **Эмиль Беръ**; Вѣна — **Лео Глаубаухъ**, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца — **Е. Лотаръ**; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Йоркъ — **Л. Мишнеръ**. Главный складъ для всей Россіи: **А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Новодеревенская набережная, 15.** 535

Дрезденъ-Радебейль.

Лучшіе результаты лѣченія болѣзней: нервныхъ, желудочно-кишечныхъ, сердечныхъ, печени, почекъ, мочев. пузыря, половыхъ, подагры, ревматизма, ишіаса, астмы, нервоза, худосочія, малокровія, сахарной болѣзни и всѣхъ женскихъ болѣзней.
Проспектъ безплатно.

Врачебное наблюденіе: Санитарный совѣтникъ Д-ръ Бильфингеръ. Докторъ Медиц. Павелъ Ашке. 750

С.-Петербургскіе Желѣзнодорожные Курсы,

состоящіе въ вѣдѣніи ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества.
Существуютъ съ 1903 года.

Подготовляютъ для службы на желѣз. дорогахъ, какъ станціонн[illegible]ентовъ по технич. и коммерч. движенію и телеграфу, такъ равно и агентовъ для Прав[illegible] Управленій жел. дор. по Службѣ Сборовъ и по Коммерч. Части. Слушателями [illegible]ются лица муж. пола, не моложе 16 лѣтъ, окончив. курсъ учил. съ прогр. м. н[illegible] двухкласс. учил. М. Н. П. и лица жен. пола, не моложе 18 лѣтъ, представив[illegible]тельства объ окончаніи не ниже 4 класс. сред. учеб. завед. Занятія вечернія, [illegible]скія же могутъ быть и дневныя. Курсъ обученія одногодич., съ 1-го по 1-е октября, вмѣстѣ съ трехмѣсяч. лѣтней практикой, по возможности, на желѣзныхъ дорогахъ. **Совѣтъ курсовъ ходатайствуетъ о распредѣленіи успѣшно окончившихъ курсы на желѣзнодорожную службу.** Плата 150 р. вносится по полугодіямъ, прошенія подаются заблаговременно. Подроб. свѣдѣнія объ условіяхъ пріема на Курсы и прохожденія курса выдаются въ Канцеляріи Курсовъ: С.-Петербургъ, Бронницкая ул., д. № 7, или высыл. за двѣ 7 коп. марки. Въ этихъ свѣдѣніяхъ имѣются также данныя объ успѣхахъ Курсовъ за минувшее десятилѣтіе ихъ дѣятельности и одобрительный отзывъ Министерства Путей Сообщенія. 834

ГИТАРЫ

Народныя въ 3, 4 и 5 руб.
Для любителей въ 6, 7, 10, 15 и 20 руб.
Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р.

БАЛАЛАЙКИ
для одиночной игры въ 1.50, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 15 р. и дороже.
Для оркестровой игры въ 3.50, 6, 9, 10, 15, 25 руб. и дор.

МАНДОЛИНЫ
въ 4 р., итальян. раб[illegible] въ 5, 6, 8, 12, 15, 20, 30, 40, 60, 75 [illegible] и дор.

НАРОДНЫЯ Ц[illegible]
въ 4, 6, 7 р. 50 к., 8, 25, 35 руб [illegible] дороже.

ГРАММОФОНЫ и ПЛАСТИНКИ въ большомъ выборѣ.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Москва, Кузнецкій М., д. Захарьина. С.-Петербургъ, Морская, 34. Рига, Сарайная, № 1.
Полный иллюстр. прейсъ-курантъ — безплатно. 510

При этомъ № разсылается подписчикамъ на I-е изданіе журнала „Вокругъ Свѣта" (7 руб.) книга XVI-я и на II-е издани (11 руб.) книга XXXI-я собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

 Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., соб. д мъ.